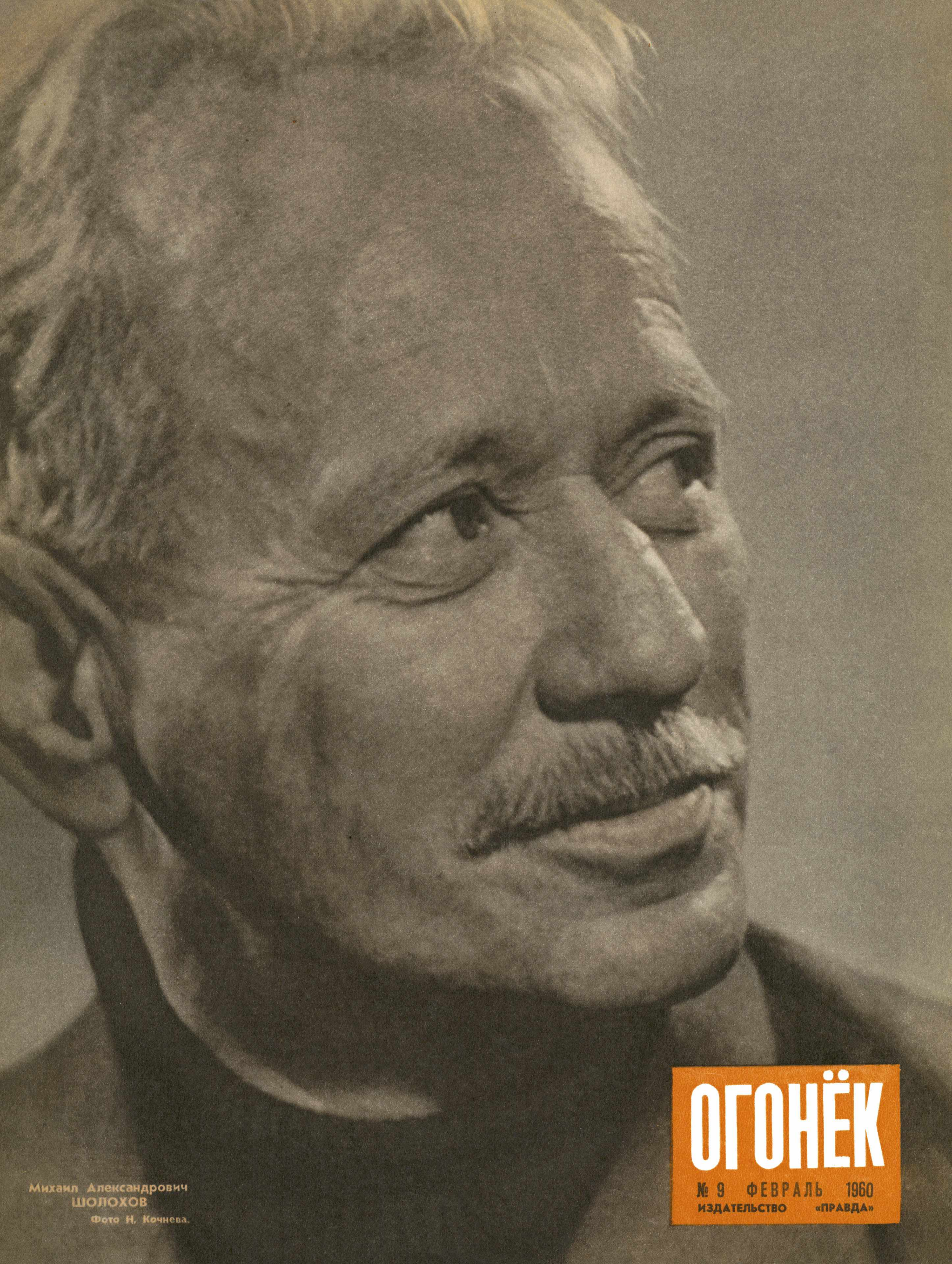


Михаил Александрович
ШОЛОХОВ
Фото Н. Кочнева.



...Тишина. В лаборатории космических лучей идет обработка экспериментальных данных. О чем говорят ученым следы атомных частиц? Как проникает исследователь в недра микромира? Об этом будет рассказано в № 11 нашего журнала.

Фото С. Фридлянда и А. Узляна.

СОЛНЦА ДРУЖБЫ НИКОМУ НЕ ЗАТМИТЬ!

ГОСТЬ И БРАТ

Ник. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Гора будто срезана ударом меча. На плоской ее вершине стоит массивное сооружение. Огромными террасами оно поднимается к небу. Гигантские уступы его похожи то на каменные кружева, то на застывшие языки пламени костра. На почерневших от времени камнях высечены барельефы. Они опоясывают в несколько рядов все сооружение.

Когда-то, давным-давно, вся эта громада густо заросла безудержной тропической растительностью и на вершине горы виднелась лишь лохматая зеленая шапка. Затем, сравнительно недавно, вырубили пальмы, расчистили лианы и кустарники, и снова стал виден Боробудур — величественный храм, построенный более тысячи лет тому назад. Глядя на этот чудесный памятник, думаешь не только о высоком уровне древнейшей цивилизации Явы, но и о судьбе народа, трудолюбивыми руками которого этот памятник был воздвигнут.

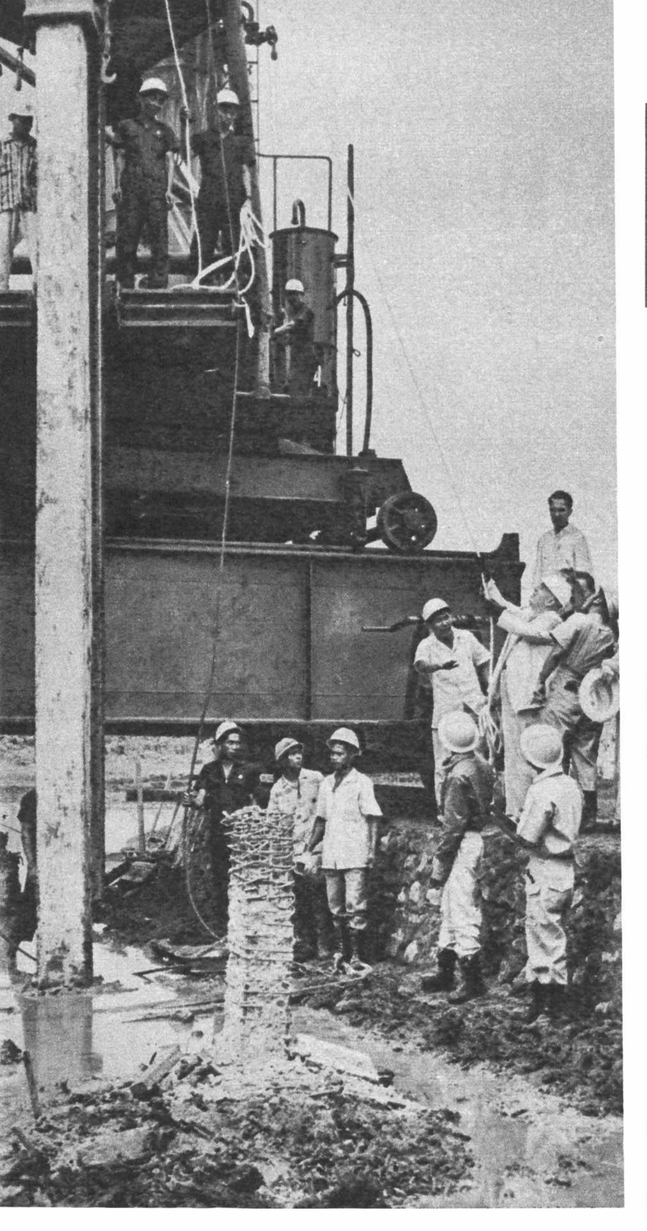
Этот народ прошел через черную ночь колониального рабства, но сохранил и волю к борьбе и



Н. С. Хрущев и Президент Республики Индонезии Сукарно.
Фото А. Стужина (ТАСС).

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Пребывание Н. С. Хрущева в Бирме и Индонезии. ★ По следам документов Владимира Ильича Ленина, опубликованных в XXXVI Ленинском сборнике. ★ Советские люди приветствуют своего любимого писателя М. А. Шолохова, окончившего «Поднятую целину». ★ Народ Афганистана строит дорогу через Гиндукуш. ★ Публикуются баллады Хамида Гуляма в вольном переводе Константина Симонова. ★ Специальный корреспондент «Огонька» сообщает о ходе Белой олимпиады в Скво Вэлли.



В основание большой спортивной арены стадиона, который сооружается в Джакарте с помощью советских специалистов, была забита сотая свая.

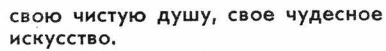


Радость встречи.



Н. С. Хрущев с семьей Президента Сукарно.





свою чистую душу, свое чудесное искусство.

Песнь звучит на вершине горы и медленно тает в пышных зеленых зарослях. В тени густолистой смоковницы расположился яванский оркестр гамелан. Перед каждым музыкантом несколько медных инструментов, похожих на перевернутые кувшины или котелки. Висят крошечные и громадные гонги. Легкое прикосновение искусных рук — и в воздухе плывут звуки, как звон лесной капели. Они сливаются в протяжную мелодию. Она звучит тихо, но властно, будто зарождается где-то в глубинах земли. В строгий ритм мелодии вплетаются чистые голоса: три девушки поют песню. Мотив ее родился давно, он, быть может, не моложе древнего храма. Но слова ее написаны в эти дни:

Ты прекрасна, родина, как цветок,
Но цветы увядают, а ты вечно цветешь.
Мы дрались за свободу, за счастье свое,
И наш путь был подобен грозе.
А сегодня ты хороша, как песнь,
Ибо гостя и брата встречаешь с любовью.
Его имя Хрущев, его путь к нашим сердцам
Устилают цветы и улыбки.

Никита Сергеевич Хрущев и Президент Сукарно, советские гости и индонезийские друзья на одной из террас Боробудура осматривали высеченные на каменных стенах барельефы. Никита Сергеевич обратил внимание на то, что это огромное сооружение сложено из камней без применения какого-либо связующего раствора.

— Как вы это заметили? — удивился гид.— У вас очень зоркий глаз.

И проводник рассказал, как строили в старину, соединяя камни шипами.

— Нашей республике предстоит еще много строить,— сказал Президент Сукарно.—И постройки должны быть такими же прочными.

А вокруг широко раскинулась щедрая земля Явы, прямоугольники рисовых полей, заросли лесов и синие-синие горы. Неподалеку высоко подскочил в поднебесье могучий конус вулкана Марапи. Длинный шлейф дыма и пара тянется по небу из его кратера. И видно, как змеятся раскаленные ручьи по его склонам. В горячем и густом воздухе, напоенном ароматами тропического леса, звучит песня девушек о дружбе, цветах и улыбках, о пути к человеческому сердцу...

С тех пор, как на аэродроме Джакарты открылась дверь советского воздушного корабля и глава Советского правительства вступил на землю Индонезии, он тотчас оказался в атмосфере искренней дружбы, теплоты и сердечности. После официальной цере-





Гремит приветственная музыка.



От мала до велика — все рады приезду дорогого гостя из СССР.

монии на аэродроме Н. С. Хрущев и Президент Сукарно, направляясь к открытой машине, шли между шеренг юношей и девушек в национальных одеждах. Здесь были жители Явы, Сулавеси, Суматры, Калимантана. Казалось, все индонезийские острова пришли сюда, на поле, поздравить с приездом дорогого гостя. Пестрые лепестки цветов сыпались дождем, а тысячи людей, собравшихся вокруг, скандировали приветственные лозунги. До самой резиденции на площади Мердека машины шли среди бушующих волн человеческого моря. Так затем повторилось и в Богоре, и в Бандунге, и в Джокьякарте, и в Сурабае, и на острове Бали.

В гирлянде островов, подобно ожерелью вытянувшихся вдоль экватора, Ява — настоящая жемчужина. Здесь живет семьдесят процентов населения страны, здесь находятся столица государства и его крупнейшие центры. Это удивительный край, где природа щедро рассыпала блага плодородия.

Вот уже более восьмидесяти лет регулярно на Яве измеряется температура. За это время термометр ни разу не показал ниже 19 градусов и не поднимался выше 35 с половиной. Здесь не бывает смены времен года — это страна вечного лета. Расточительное солнце поднимает в небеса воду морей и океанов, а затем обрушивает ее на землю сильными ливнями. Утро обычно ясное, но к полудню северо-восточный муссон нагоняет тучи с Тихого океана, а к вечеру с педантичностью исправного служаки приходит дождь, если так можно назвать водопады, низвергающиеся с неба. Здесь всегда влажно и душно, как в оранжерее, зато какая чудесная растительность буйствует вокруг! Здесь круглый год цветут цветы и зреют злаки, в лесах растут ценнейшие породы деревьев, а недра хранят несметные богатства.

Экономисты подсчитали, что голландские монополии получали в Индонезии каждую секунду 330 рупий чистого дохода. Долгое время колонизаторы хозяйничали в стране и грабили народ. Они переименовали древний город Джакарту на свой манер — в Батавию. Голландский генерал-губернатор распорядился прорыть в городе каналы, чтобы они напоминали ему Амстердам и Гаагу. Захватчики собирались остаться здесь навечно...

Перед дворцом президента в Джакарте раскинулась самая обширная площадь столицы. В день приезда Хрущева она была от края до края заполнена народом. Слышались возгласы на русском языке: «Мир!», «Дружба!», «Спасибо!». Но больше всего люди скандировали «Мердека!». Раньше эта площадь называлась площадью виселиц. Немало патриотов, борцов за свободу страны, сложили здесь свои головы. Потом генерал-губернатор решил, что нехорошо иметь под окнами своего дворца площадь с таким названием, и переименовал ее в Королевскую площадь — имя новое, но смысл старый. И лишь после того, как народ с оружием в руках изгнал из страны колонизаторов, площадь получила достойное и красивое имя — Мердека (Свобода). Но имя это не пришло само. Долгие годы тяжелой вооруженной борьбы, много лишений и жертв вынес народ прежде, чем восторжествовало это желанное слово.

Находясь в Джакарте, Н. С. Хрущев отправился на братское кладбище, возложил венок и почтил память тех, кто не дожил до светлых дней свободы.

Из справочников было известно, что Ява — густонаселенный остров республики. Но в этом воочию убедились все, кто сопровождал Никиту Сергеевича во время поездки из Джакарты в Бандунг. Вдоль всего пути непрерывной стеной стояли жители Явы, почти у каждого в руках флажки Индонезии и Советского Союза.

Нельзя забыть волнующую встречу Никиты Сергеевича со студентами университета Джокьякарты — города, который был центром освободительной борьбы и столицей молодой республики. Когда войска колонизаторов прорвались к городу, ректор университета, известный индонезийский ученый Сарджито, погрузил на велосипед свои научные труды и ушел в горы к партизанам. Сейчас он тепло приветствовал Никиту Сергеевича в стенах университета, ректором которого он стал снова.

Почти после каждой фразы Хрущева в аудитории вспыхивала овация.

— Я никогда не забуду этого дня,— сказала мне студентка Космиати.— Это останется на всю жизнь.

— К голосу Хрущева прислушивается весь мир, для нас огромная честь слушать его выступление в нашем университете. Его слова открывают мне глаза на многие явления жизни, заставляют о многом задуматься. К тому, что я услышал сегодня, я буду возвращаться всю свою жизнь,— сказал студент факультета права Куакандин.

Сурабая — порт и промышленный центр Явы стал свидетелем грандиозной демонстрации дружеских чувств индонезийского народа к народам Советского Союза.

«Солнце согревает воздух, а дружба — душу» — эту народную пословицу привел в своей речи на митинге в Сурабае Никита Сергеевич Хрущев. Эти слова прекрасно выражают всю атмосферу поездки Н. С. Хрущева по земле дружественной Индонезии.

ГОСТЬ И БРАТ



Это дерево дружбы будет расти у главного корпуса технологического института, который сооружается в Рангуне как дар народов СССР бирманскому народу.



Дети — будущее мира.

В Рангуне на приеме в советском посольстве Н. С. Хрущев вручил Президенту У Вин Маунгу и Премьер-Министру Не Вину копии вымпелов, доставленных советской космической ракетой на Луну.

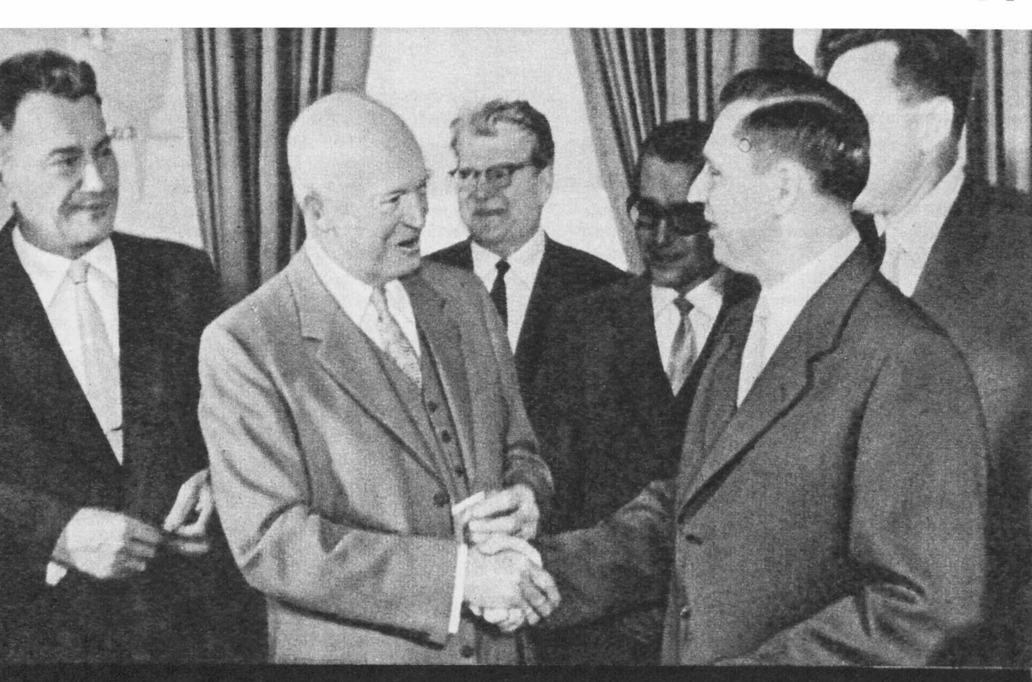
Н. С. ХРУЩЕВ В БИРМЕ



Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент Бирманского Союза У Вин Маунг.



СОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ США



Д. Эйзенхауэр: —РАЗГОВАРИВАТЬ О ТОМ, ЧТО НАС СБЛИЖАЕТ

Мы нашли то, что хотели найти,— такими словами Д. С. Полянский обобщил итоги поездки советских государственных деятелей в Соединенные Штаты Америки.

Советская делегация побывала в Нью-Йорке и Филадельфии, Чикаго, Вашингтоне и в ряде других городов, познакомилась с жизнью штатов Нью-Джерси, Пенсильвания, Западная Виргиния, Флорида, Иллинойс, Колорадо и Юта, Айдахо и Северная Дакота. На заводах и сельскохозяйственных фермах, в государственных учреждениях и на тихих сельских улицах — всюду посланцев советского народа встречали тепло, искренне, дружески. Везде шел горячий, заинтересованный разговор о жизни многонационального советского народа, о его экономике, культуре, образовании. В штате Айдахо, на заводе по переработке картофеля фирмы «Альберт-санс», работница Мэри Георцен взволнованно говорила:

— Я знаю, что в Советском Союзе заботятся о человеке больше, чем где бы то ни было.

Фермер Е. Хэмптон из штата Юта проделал сто пятьдесят миль только для того, чтобы пожать руки представителям советского народа и вручить им скромный подарок — несколько банок меда со своей фермы.

«Каковы бы ни были наши идеологические разногласия,— писала газета «Иллинойс стейт реджистер»,— мы... питаем глубокое уважение к нашим русским гостям, к высшему интеллектуальному прогрессу, который они представляют, к научному первенству России в области баллистических ракет, исследований космического пространства, навигации и средств связи».

Встречаться по-дружески за общим столом, обмениваться научно-техническим опытом, развивать торговлю, крепить мир — вот чего страстно желает американский народ.

18 февраля, за два дня до окончания пребывания делегации в Соединенных Штатах, советских государственных деятелей принял Президент США Дуайт Эйзенхауэр. Передав искренний привет Никите Сергеевичу Хрущеву и всему советскому народу, он заявил, что нам надо разговаривать не о том, что нас разделяет, а о том, что нас объединяет, о том, что нас сближает.

Посланцы советского народа приветствовали слова президента, так как они отвечают чаяниям всех народов, жаждущих мира и дружбы.

На снимке: глава делегации советских государственных деятелей Д. С. Полянский на приеме у Президента США Д. Эйзенхауэра.

Фото И. Бессарабова.

ВОКРУГ НАС

ВОДОЛАЗЫ РАБОТАЮТ ПОДО ЛЬДОМ

С северной окраины города Волжского машина круто повернула влево и легко побежала по широкому приморскому шоссе. Индустриальный пейзаж «Сталинградстроя» сменился заснеженными полями Заволжья, которым, кажется, нет ни конца, ни края. Недалеко от железнодорожной станции Паромная шофер свернул с шоссе на проселочную дорогу, а оттуда — к берегу Сталинградского моря.



Водолазы (слева направо): Н. Квятковский, П. Кобылкин и М. Журавлев.

Вскоре мы сидели в жарко натопленной будке, поставленной около огромной майны — строительной площадки водолазов. В перерыв сюда собралась вся группа: водолазы, их подсобники, экскаваторщики с шагающего.

Старший водолаз 7-го отряда подводно-технических работ Михаил Журавлев охотно рассказывает:

— Строим водозабор для волжского химического комбината. С 1942 года работаю водолазом, на многих водозаборах довелось побывать, но такого еще не видел. Полмиллиона кубометров воды в сутки будет забирать это сооружение.

Мы уже подготовили площадку под оголовок, разровняли ее. Из песка и щебня сделали «постель». По периметру оголовка забили 25 свай, с выравниванием которых пришлось немало повозиться. Дело в том, что высота свай не должна превышать 1,5 метра. Забивали их копром со льда. Что можно увидеть сверху? Вот и пришлось их выравнивать подо льдом с рейкой да с пилой в руке.

Нелегко работать водолазам в зимнее время. В воде, как известно, видимость вообще ограничена, а подо льдом тем более. В январе во время сильных морозов случалось, что образовывались ледяные пробки в воздушных шлангах. Приходилось прерывать работу, подымать водолазов, продувать шланги. Да и холодно в ледяной воде. Но как бы там ни было, работа не прерывалась ни на один день.

Коллективу подводных строителей предстоит опустить 20-тонный металлический оголовок на подготовленную площадку, уложить 200 кубометров бетона, окружить его каменным банкетом, размыть гидромониторами и распланировать траншеи для водоприемных труб, наложить стальные муфты в местах стыкования труб. И все это в предельно сжатые сроки.

— Свой трудовой подарок,— сказал начальник группы Л. Д. Мартисов, — мы решили посвятить знаменательной дате — 90-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Ведь с такими ребятами,— продолжал инженер,— можно горы воротить. Водолазы Михаил Журавлев, Павел Кобылкин и Николай Квятковский — давние друзья, бывшие военные моряки, за их плечами 20 тысяч часов подводных работ. Они активные участники строек Волго-Донского канала, Сталинградской ГЭС, многих газо- и нефтепроводов, пересекающих реки и водохранилища страны. Самоотверженно в самые трудные минуты работают электросварщики и экипаж четырехкубового шагающего экскаватора.

А. ИГОЛЬНИКОВ

ЗИМА В ЛУЖНИКАХ

Десятки тысяч зрителей ежедневно приходят на Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужники, где проводится традиционное народное гулянье — праздник «Русская зима».

Лихо мчатся тройки, стремительно катятся сани, кружатся карусели...

Интересное представление показывают на Большой арене. В нем участвуют артисты цирка и эстрады.

Красочным фейерверком заканчивается веселый праздник «Русская зима».

Фото А. Новикова и А. Бочинина.

ПРИЗ «ПОБЕДА» ВРУЧЕН



Недавно французские киножурналы «Синемонд» и «Фильм-франсе», а также газета «Фигаро» провели опрос среди своих читателей: кому присудить приз «Победа». Этой наградой зрители Франции ежегодно удостаивают лучшего актера и лучшего режиссера кино. В сотнях тысяч ответов были названы имена советских кинематографистов: актрисы Татьяны Самойловой и режиссера М. К. Калатозова — участников фильма «Летят журавли». Картина эта уже не первый раз удостаивается награды во Франции: в 1958 году на Каннском фестивале ей была присуждена Золотая Пальмовая ветвь.

На днях во французском посольстве в Москве советским артистам вручили призы. При этом присутствовали многие советские и французские кинематографисты, среди них: С. Герасимов, С. Юткевич, А. Згуриди, Кристиан Жак — режиссер фильма «Если парни всего мира...», и М. Пальеро, который ставит сейчас картину совместного производства «Что нового на Востоке?..». В одной из главных ролей в фильме Пальеро будет сниматься Т. Самойлова. Съемочная группа скоро выезжает для натурных съемок в Братск.

На снимке: народный артист РСФСР Е. В. Самойлов и его дочь Татьяна Самойлова, кинорежиссер Кристиан Жак, продюсер Клод Жежер после вручения приза.

Фото Е. Умнова.

ВОКРУГ НАС

ТЕЛЕГРАММА ПОЙДЕТ БЕЗ ЗАДЕРЖКИ

В одном из цехов рижского завода «ВЭФ» монтируется новая автоматическая телеграфная станция. Главный конструктор Янис Крустыньш рассказывает:

— На промежуточных телеграфных пунктах депеши принимаются в виде перфорированной ленты. В центральном сортировочном пункте телеграфа они сортируются по адресам и затем доставляются к аппаратам передачи. Для всего этого требуются люди и время.

Новая аппаратура все операции выполняет автоматически.

Один человек наблюдает за работой целой группы сложных механизмов. Резко сократятся задержки телеграмм на промежуточных пунктах, будут лучше использоваться телеграфные каналы.

— А если канал долго занят?

— Тогда умная автоматика поступит так же, как, например, поступает администрация троллейбусного или трамвайного парка в часы «пик». Там на линию выпускаются дополнительные машины, а на нашей станции вступают в строй новые каналы.

— А если все же образуется затор?

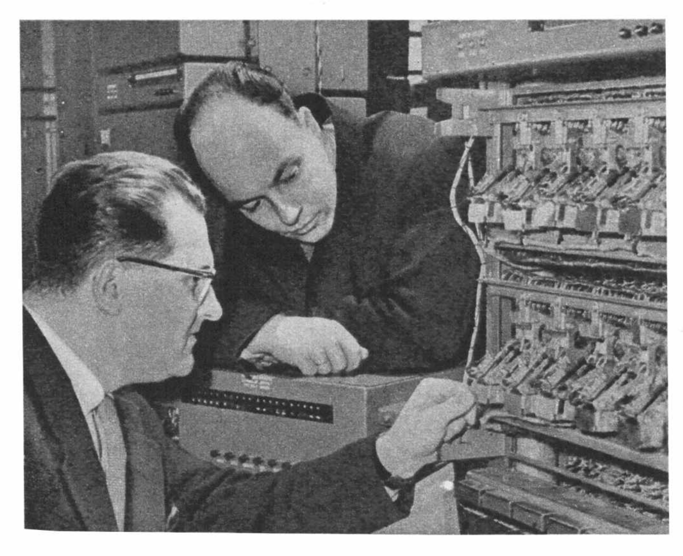
— Тогда приборы установят «очередь», в соответствии с категориями телеграмм. И если, например, срочная телеграмма должна быть отправлена раньше других, то остальные, образно выражаясь, посторонятся, дадут ей дорогу.

Учет телеграмм также ведется автоматически. На каждой проставляется порядковый номер. Если на пункте приема какого-то номера не хватает, значит, где-то в пути затерялась телеграмма из-за неисправности линии. И тут снова выручает автоматика: она включает сигнализацию, и телеграмма с пропущенным номером повторяется.

Новая автоматическая станция имеет и аппарат для непрерывного контроля телеграфных искажений.

Многие механизмы уже прошли контрольные испытания, как здесь говорят, тренировку.

А. ГОРДИН



Главный конструктор Я. Э. Крустыньш (слева) и старший инженер Р. Р. Мейранс у одного из механизмов новой автоматической телеграфной станции.

Фото И. Штейна.

ИХ ЛЮБЯТ В ЧИРЧИКЕ



Эстрадный оркестр Дворца культуры химиков города Чирчика.

Фото А. Палехова.

Есть такой город в Узбекистане — Чирчик. Город большой химии. В городе выстроен Дворец культуры.

Воскресенье, будни ли, в этом огромном помещении всегда людно. И говорят горожане: «Не может быть, товарищ, чтобы в чем-нибудь не проявился твой талант. Ведь во Дворце работает двадцать три кружка. Выбирай!»

И в каждом кружке очень большие планы. Оперный коллектив готовит оперетту «Вольный ветер», балетный задумал поставить «Бахчисарайский фонтан».

Успехом у горожан пользуется эстрадный оркестр, который сейчас создает новое обозрение — «Наш любимый город Чирчик».

Песни о городе, рассказы о лучших людях — вот что повезут летом участники этого оркестра в целинные совхозы.

Н. НИКОЛАЕВА

ЗИМОВЩИКИ НАД ОБЛАКАМИ

Безмолвны вечные снега Казбека. С каменных громад спускаются могучие ледники Девдоракский, Абано, Суатис... Здесь на одном из ледников, Гергетском, приютилась метеостанция Управления гидрометеорологической службы Грузинской ССР.

Недавно оттуда вернулись гляциологи В. Ш. Цомая и О. А. Дробышев.

Радостной была встреча с зимовщиками на Казбеке. Их там одиннадцать человек. Это дружный, опытный коллектив.

Возглавляет станцию молодой специалист Шота Гудушаури, лишь три года назад окончивший Тбилисский университет. Другие сотрудники станции еще моложе. Гляциологу Владимиру Потапову, например, всего восемнадцать лет. А Шалву Георгиевича Церетели, который вот уже одиннадцать зим живет на леднике, здесь называют «отцом зимовщиков». Старший техник-наблюдатель, он отлично знает метеорологию, актинометрию, гляциологию.

Днем и ночью люди на Казбеке ведут наблюдения за скоростью и направлением ветра, влажностью и температурой воздуха, солнечной радиацией, определяют количество осадков, выпавших за сутки, и все эти данные регулярно передают по радио в Тбилиси.

На Кавказе насчитывается 1 390 ледников общей площадью 1 970 квадратных километров. Центр оледенения — высокогорная часть между Эльбрусом и Казбеком. Ледники имеют важное значение для хозяйственной жизни Грузии и соседних республик. Многие реки берут в них свое начало. Изучение ледников Кавказа ведется сто лет. Материалы позволяют сделать вывод о тесной зависимости между состоянием ледников и климатом.

У ледников своя жизнь. Так, например, за последнее столетие Гергетский ледник сократился в длину на 1 072 метра. В современную нам эпоху он отступает еще быстрее и только за восемь лет сократился на 142 метра.

Непостоянны и границы вечных снегов. С 1911 года они отступили вверх на 200—300 метров и находятся теперь на высоте 3 400—3 700 метров над уровнем моря.

Научным сотрудникам нередко приходится преодолевать большие затруднения. Тяжело работать в буран, когда ураганный ветер сбивает с ног и в трех шагах ничего не видно. В ноябре и декабре снегопады и метели становятся почти непрерывными. Скорость ветра в этих местах достигает 50 и даже 70 метров в секунду. Был случай, когда ветер сорвал с капитального здания станции крышу, а прошлой зимой сломал даже самый ураганомер. Прибор как бы замер, отметив скорость ветра в 87 метров в секунду.

Особенно опасно уходить от станции, когда неожиданно возникают колоссальные снежные лавины. В лавиноопасных местах нельзя не только стрелять, но и громко разговаривать. Сильный ветер, снегопад, звуковая волна сдвигают огромные снежные массы.

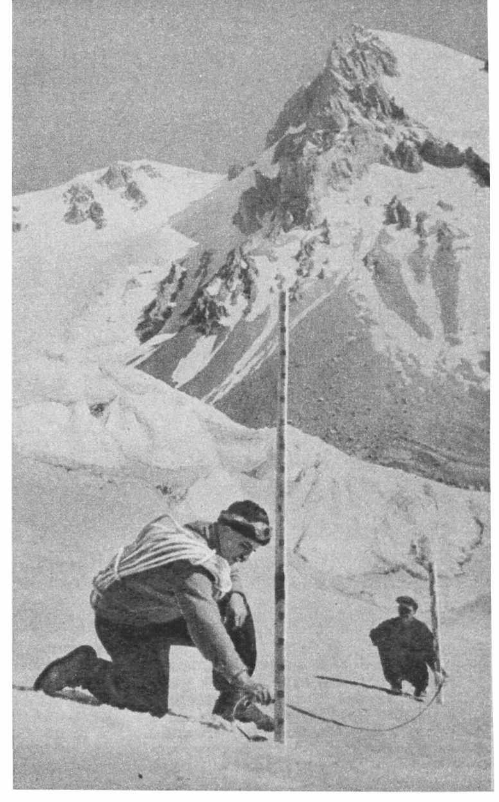
Как-то весной научный сотрудник В. Сургуладзе спустился на дно трещины. Вдруг он увидел ужасную картину: среди ледяных глыб стоял, расставив руки, обледеневший человек. В такой позе он, видимо, застрял в неглубокой трещине и замерз. Когда верхний слой снега оттаял, его тело оказалось на виду. Это был один из альпинистов, который полгода назад бесследно пропал при спуске с вершины Казбека.

Сейчас такие трагедии здесь больше не повторяются. Люди узнали горы и льды, научились преодолевать трудности, а помогать друг другу в беде они всегда умеют.

Нынешняя станция оснащена приборами по всем видам наблюдений. Самопишущие барографы показывают давление воздуха, в будке самописцев термограф и гигрограф регистрируют температуру и влажность воздуха, осадкомер Третьякова измеряет все виды осадков. Плотность снега изучается при помощи снегомерных реек и плотномера. Высоту облаков измеряют шарами-пилотами. В юго-восточной части площадки размещены различные актинометрические приборы, определяющие солнечную радиацию, силу и продолжительность сияния лучей солнца сверху и отраженных от ледяной поверхности.

Гордый и неприступный Казбек покоряется воле людей. Альпинисты все чаще подымаются на его вершину. А одиннадцать смелых и выносливых сотрудников станции круглый год работают над облаками и сообщают по радио различные сведения о погоде, радиации солнца, движении ледников.

Г. КЛЕВАКИН



Ш. Церетели и И. Имнадзе определяют оттаивание ледника.

Фото Ф. Крымского.

Юбилей народного учителя

Исполнилось 75 лет со дня рождения и 52 года педагогической деятельности преподавателя литературы и русского языка Ипполита Викторовича Андреева.



И. В. Андреев.

Сын бедного чиновника, выпускник Петербургского университета, он начал свой трудовой путь в Лодзи, а затем работал в гимназиях и школах города Холма, в Одессе, в Винницкой области, на Кубани. Человек высокой культуры и большой души, он всегда воспитывал в своих учениках любовь к родной речи, вырастил не одно поколение замечательных советских педагогов.

С приветственным письмом к юбиляру, живущему и работающему в станице Атаманской, Павловского района, Краснодарского края, обратилась большая группа его бывших учениц, окончивших Холмское женское училище в 1911—1920 годах: О. Алексеева, Р. Баркова, О. Грушко, М. Дроздовская, Н. Кухарчук (Хрущева), К. Ольховская, Л. Федорова и другие.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ АНДРЕЯ СОКОЛОВА



Миллионы зрителей с неослабным вниманием смотрели фильм «Судьба человека», воплощающий на экране великолепный образ советского солдата, созданный Михаилом Шолоховым. То простое и сильное, трагическое и прекрасное, жизненно-земное и глубоко-возвышенное, чем дышит шолоховская «Судьба человека»,— все это выражено режиссером фильма и исполнителем главной роли Сергеем Бондарчуком.

Столь же суровый и непреклонный, сколь трогательный и человечный, Андрей Соколов получил на экране вторую жизнь и заговорил со зрителями всех стран мира о красоте и величии души простого советского человека, постоянно воспеваемого Шолоховым...

С. Бондарчук, так же как и оператор фильма «Судьба человека» В. Монахов, представлен многочисленными организациями на соискание Ленинской премии.

На снимке: кадр из фильма «Судьба человека».

Годы прощаний и встреч

А. СОФРОНОВ



«...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!»

Вот и все... Как просто и как сурово сказано! Эти строчки из заключительной главы второй книги «Поднятой целины» как бы подводят итог бурным событиям, происшедшим в хуторе Гремячий Лог в годы коллективизации.

Гремячий Лог с его немногочисленными жителями, с его драмами, с простой, на первый взгляд неприметной жизнью вошел в сознание миллионов читателей, стал известен на всей нашей планете. А сами жители Гремячего Лога с их разными судьбами стали близкими людям всего мира так же, как донская казачка Аксинья Астахова и Григорий Мелехов, человек сложной судьбы.

Так же, как герои «Тихого Дона», люди из «Поднятой целины» — Семен Давыдов, Макар Нагульнов, Андрей Размётнов, дед Щукарь, Лушка, Майданников, Варюха-горюха и многие другие — навсегда вошли в сознание и в сердца тех, кому дорог могучий талант великого русского писателя Михаила Шолохова.

Еще были надежды, еще читатели ожидали счастливой судьбы для Давыдова, еще были какие-то расчеты на то, что ему, этому парню, двадцатипятитысячнику с Путиловского завода, улыбнется скупое личное счастье. Но все оказалось напрасным: ушла жизнь из широкой груди Давыдова, наискось простреленной бандитской пулеметной очередью.

Последние годы в нашей литературе как бы были освещены шолоховским творчеством, его неустанным, неторопливым и мудрым трудом. Казалось, сравнительно недавно, перед войной, мы попрощались с героями «Тихого Дона» и первой книги «Поднятой целины». Пришла война, мы встретились с овеянными пороховым дымом героями романа «Они сражались за родину». Совсем недавно в наше сознание, в нашу жизнь вошел простой, суровый солдат из шолоховского рассказа «Судьба человека», Андрей Соколов. Все эти герои как бы чередовались и дополняли друг друга, словно они были в одном боевом соединении, но каждый со своим характером, со своей особой судьбой. И, казалось, мы уже привыкли к их непростой жизни и смирились со смертью многих наших любимых героев, как вдруг снова встретились, на этот раз на экране, с трехсерийной эпопеей, рожденной талантливым кинорежиссером Сергеем Герасимовым на осно-

ве величайшего произведения художественной литературы XX века «Тихого Дона». Снова перед нами возникла трагическая в своем одиночестве и в смутном непонимании надвигающейся новой жизни судьба Григория Мелехова и его прекрасная и высокая любовь к Аксинье.

Так мы второй раз встретились с героями «Тихого Дона», и это уже словно выбито на камне и никогда не уйдет из сердец многих и многих поколений, которым суждено жить и строить новую жизнь на нашей нелегкой земле.

Когда мы сызнова прощались с героями «Тихого Дона», перед нами на экране, рожденная от источников шолоховского таланта, раскрылась короткая драма — «Судьба человека», воплощенная Сергеем Бондарчуком. Казалось бы, ставить их рядом нельзя — «Тихий Дон» и «Судьба человека»! Но такова уж всепокоряющая сила шолоховского таланта, что и в этом рассказе была такая драматическая правда, такое проникновение в жизнь народа, такое понимание его исторической миссии, что в судьбе одного человека отразилась судьба миллионов, их героический ратный подвиг и могучая духовная сила. И снова все это рядом, близко друг от друга — прощания и встречи.

А еще в 1954 году в «Огоньке» появились первые главы второй книги «Поднятой целины». И пока окололитературные петушки гадали, будет или не будет дописана «Поднятая целина», все эти последние годы по страницам газеты «Правда» мы медленно продвигались вместе с шолоховскими героями по новой тревожной жизни, наблюдали становление характеров, напряженное развитие событий, в центре которых стояли полюбившиеся нам Давыдов, Нагульнов, Размётнов и другие. Но жизнь этих героев «Поднятой целины» расширялась, появлялись образы других людей, которые хоть и не заняли территориально много места в романе, но каждый из них запомнился, вошел в жизнь со своим характером, со своим взглядом на мир и своим существованием дополнил и обогатил ранее известных нам героев. Так возник случайный попутчик Давыдова пожилой колхозник Иван Аржанов. Эта, казалось бы, не очень обязательная встреча расширила представление Давыдова о людях, живущих рядом с ним. Многое открыл Давыдову Аржанов и главное — рассказал о том, что из себя представляет Яков Лукич Островнов. И кузнец Шалый, запуганный, обычно молчащий, решил открыть свою душу Давыдову. Он предостерегал Давыдова: смотри, что делается в колхозе, почему с виду кажущиеся правильными людьми Островнов, Афонька-кладовщик и другие не выступают открыто на собрании, а втихую поворачивают народ против Советской власти да и против самого Давыдова.

«— Ты, отец, что-то преувеличиваешь опасность...» — отвечал Шалому Давыдов. Но Шалый не соглашался с ним. Шалому больше было известно, чем Давыдову, виднее. Шалый говорил:

«— По-стариковски, сослепу, может, я и преувеличиваю, как ты говоришь, ну, а ты, парень, вовсе эти ихние опасности не зришь. Молодая суета тебя окончательно затемнила. Это я тебе окончательно говорю».

А задуматься было о чем Давыдову: в Гремячем Логу уже свистели бандитские пули. Давыдов тревожно спрашивал Майданникова:

«— Подымает враг голову, а, Кондрат?

— Что ж, это хорошо, пущай подымает. Поднятую голову рубить легче будет»,— отвечал Давыдову Майданников, одним этим ответом показывая, насколько он возмужал и вырос.

Вот она, оказывается, какая, на первый взгляд неприметная жизнь шла в Гремячем Логу. Люди трудно строили новую жизнь, выходили в поле, жили в бригадных таборах, пахали, сеяли, косили, колхоз с колхозом спорил из-за добротных участков, а здесь же, под боком у них, орудовала контрреволюционная банда, прикрывавшаяся личиной колхозников. Не просто добирался Давыдов и его товарищи к разгадке многих таинственных событий в Гремячем Логу, пока не откопал на базу у Фрола Рваного вполне пригодный для боя пулемет и гранаты.

Так шли главы «Поднятой целины», трагедийные и драматические, смешные и грустные, пересыпанные соленым словом народной речи, той самой речи, которую так любит и так хорошо знает Шолохов. Герои книги предстают перед читателями в постоянном движении. Если крепнут, закаляются те, кто отдает свои силы новой жизни, то распадаются как человеческие личности Половцев, Островнов и все, кто с ними. В омерзительном, злодейском выражении предстал Яков Лукич Островнов, боясь разоблачения, безжалостно загубивший родную мать. А рядом с трагедийной главой — другие, в которых один из любимых героев Шолохова, дед Щукарь, раскрывается во всем своем неистребимом жизнелюбии. Одно за другим. Как весенний луч, вошла в роман Варюха-горюха. Что-то новое появилось в жизни Давыдова, посветлела его жизнь, отошла на задний план дурманная страсть к Лушке Нагульновой, безжалостно развенчанной писателем в конце романа.

Трудным путем шли люди к новому, через смерти и кровь, ломая собственные привычки и характеры. В статье «Слово о Родине», написанной после войны, Шолохов говорил: «Бывает так, что по соседству с пшеничными полями, в цветущем, густом разнотравье сизым дымом расстелется, раскустится степная полынь, и вот хлебное зерно, наливаясь и зрея, вбирает в себя полынную горечь. На баловство, на кондитерские изделия мука из такого зерна не годится. Но хлеб от горьковатого привкуса не перестает быть хлебом! И благодатным кажется он тому, кто работает, умываясь соленым потом, и ту же щедрую силу дает он человеку, чтобы назавтра было что тратить ему в горячем и тяжком труде!»

Эти слова во многом раскрывают внутреннюю сущность шолоховского творчества, движение и становление его героев. Вспомним тяжкое возвращение Григория Мелехова домой, его встречу в степи со случайной попутчицей — зовуткой и горькую мимолетную любовь. В «Поднятой целине» мы видим внешне схожую сцену — поездку Семена Давыдова с Варюхой в Миллерово на учебу. Как сдержан и целомудрен здесь Давыдов! Это уже не тот Давыдов, который вопреки собственному сознанию спешил ночью в степь на свидание с Лушкой. Семен Давыдов, рабочий-путиловец, рядовой солдат Коммунистической партии, предстал в романе во всей своей силе, сложности и вместе с тем цельности характера. И, даже расставшись с ним, прочтя горькие строки о его гибели, трудно представить, что Давыдова нет. Давыдов живет, и его скромная работа вошла в большой труд нашей Коммунистической партии.

Долго писалась «Поднятая целина». Все мы словно сжились и породнились с ее героями. Люди наших поколений невольно вспоминают то время, когда появилась первая книга «Поднятой целины». Не могу не вспомнить 32-й год. Еще не закончен «Тихий Дон», но в руках у нас первая книга «Поднятой целины». Помнится, как в Ростове-на-Дону, на «Ростсельмаше», в заводском парке, мы, члены литературной группы, каждый день главу за главой читали вслух «Поднятую целину». Книг было мало, поэтому день за днем после работы мы приходили в читальню, открывали очередную главу и начинали чтение. С каждым днем все увеличивалось количество желающих послушать главы этой замечательной книги. Нас обступали тесным кругом. А когда мы заканчивали, требовали продолжить чтение немедленно. Так мы прочитали вслух всю первую книгу «Поднятой целины». Сколько же прошло времени с той поры и какие испытания прошла наша страна и наши люди! И хотя действие во второй книге «Поднятой целины» происходит в годы «великого перелома», но от ощущения суровых авторских раздумий создается впечатление, будто все ее герои прошли через горнило войны, стали строже и мудрее.

Да, никогда не забыть чтение первых глав в читальне парка завода «Ростсельмаш»! Все события были тогда рядом, многие из нас их видели не только со страниц книги, но и сами были участниками коллективизации, видели эти события, возможно, и не так пристально, как видел их Шолохов, но, во всяком случае, совсем рядом, воочию.

Кто может объяснить работу писателя, да еще такого, каким является Михаил Шолохов? Его поторапливали, вздыхали, а он шутил, отмалчивался и продолжал оттачивать каждое слово романа. И вот наконец наступили заветные часы прощания с героями «Поднятой целины». Да простит меня Михаил Александрович, если я расскажу и о том, как мы в последние дни декабря 1959 года читали заключительные главы «Поднятой целины», еще не знавшие типографского набора.

Михаил Александрович попросил нас почитать вслух эти главы. Как когда-то в заводском парке, мы взволнованно читали последние главы. Шолохов сидел, неторопливо поглаживая рыжевато-седые усы, внимательно слушал, кое-где улыбался, словно удивляясь всему тому, что происходило с его героями, и недовольно останавливал каждого, кто вдруг захотел перемолвиться с товарищем. Он слушал, как бы взвешивая каждое произнесенное слово. Читать было нелегко, слезы душили нас. Мы расставались с Давыдовым и Нагульновым, с людьми, с которыми не хотели расставаться, но волей писателя, жестокой правдой жизни этому суждено было свершиться. Так мы и дошли до авторского отступления: «...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!» Но через боль, через гибель близких нам людей, через жесточайшие испытания люди шли дальше, люди продолжали жить.

Песней жизни, ожиданием новых встреч звучат заключительные слова романа: «Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему теплый ветер, накрапывал теплый дождь... За Доном бело вспыхивали зарницы, и суровые, безрадостные глаза Размётнова смотрели уже не вниз, не на обвалившийся край родной могилки, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым полымем озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величавая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза».

...Вот и закончена «Поднятая целина». В ней снова и снова проявился великий талант Михаила Шолохова — писателя, бесконечно любящего людей, слитого всем своим сердцем с жизнью народа, хорошо знающего его, живущего его трудом, думами, свершениями и подвигами. Человечество получило новый шедевр — книгу, исполненную мудрой, суровой простоты.

Могучее дыхание шолоховского таланта все более захватывает советскую литературу и искусство.

Шолоховский талант, ш о л о х о в с к о е настолько глубоко, внутренне обаятельно и человечно, что трудно подыскать ему какое-либо точное определение. Может быть, только одно — ш о л о х о в с к о е. Да, шолоховское!

На обложке этого номера журнала напечатана одна из последних фотографий Михаила Александровича, вероятно, не самая лучшая. Наверно, есть более яркие, более красочные фотографии. Но, вглядываясь в этот снимок, в глаза Шолохова, мы словно видим его добрый, лучистый взгляд, устремленный куда-то вдаль. Как знать, о чем думает сейчас писатель? Но нам, миллионам его друзей, читателей, живущих на всем земном шаре, хочется сказать: дорогой Михаил Александрович, спасибо тебе за твои книги, за твою «Поднятую целину», за могучий, глубоко человечный талант, который ты безраздельно отдал на службу своему народу, великому делу Ленина, делу Коммунистической партии!

Мы горды тобой! Мы были счастливы, когда Никита Сергеевич Хрущев прилетал в гости в близкую твоему сердцу станицу Вёшенскую. Мы желаем тебе новых успехов на нашу общую радость.

И сейчас, перед новыми свершениями, знай, что миллионы людей ждут твоего нового слова, любят тебя, потому что ты душа нашей литературы, ее знамя. Пусть будут новые встречи, мы с нетерпением и радостью ждем их, как бы ни были печальны прощания.

Л. А. Шматько. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА О ПЛАНЕ ГОЭЛРО. (Фрагмент).



ПЕРЕЛИСТЫВАЯ БЕССМЕРТНЫЕ СТРАНИЦЫ

XXXVI Ленинский сборник! Здесь их более шестисот, впервые публикуемых документов, каждый из которых — еще один яркий штрих к портрету великого мыслителя, борца, зодчего, Человека, еще одно убедительное свидетельство поразительно многогранной и кипучей деятельности Владимира Ильича.

Документы охватывают сравнительно небольшой период времени: март 1917 — январь 1923 года. И в который раз поистине диву даешься: как много успел сделать Ильич за каких-нибудь шесть лет, сколь широк круг проблем, которые решал



Н. Н. Жуков.— Не теряйте минуты!

он, решал смело, мудро, дальновидно, с прицелом на десятилетия! И в который раз убеждаешься, как в большом и малом Ильич являл пример высокой гуманности («он к товарищу милел людскою лаской») и той самой ленинской принципиальности, непримиримости, которой учились, учатся и будут учиться у Ильича поколения коммунистов («он к врагу вставал железа тверже»).

Перелистываешь страницы сборника, бессмертные документы, написанные характерным ленинским языком, с подчеркиванием многих слов то одной, то сразу тремя черточками, с восклицательными и вопросительными знаками на полях, перечитываешь их, и хочется воскликнуть словами поэта:

Ленин
и теперь
живее всех живых.

Жив, жив Ленин — в прекрасных делах, свершаемых нашими современниками, в твердой поступи миллионов, идущих по начертанному им пути!

...Ленинская записка! Где он, человек, о котором так тревожился Владимир Ильич, к кому обращал свое душевное слово? Чем живут сегодня в том краю, городе, на предприятии, в институте, которые приметил Ленин в своих записках?

Об этом рассказывают наши корреспонденты.

ШТРИХИ ВЕЛИКОГО ПОРТРЕТА

Три года назад в нашем журнале были напечатаны воспоминания Вадима Александровича СМОЛЬЯНИНОВА «Штрихи великого портрета». Автор рассказывал об Ильиче, под чьим непосредственным руководством он работал начиная с апреля 1921 года как помощник управделами Совнаркома и Совета Труда и Обороны, а затем управляющий делами СТО. В XXXVI Ленинском сборнике опубликован впервые целый ряд записок В. И. Ленина, адресованных Смольянинову. Мы попросили Вадима Александровича продолжить свои воспоминания, рассказать нашему корреспонденту историю ленинских записок.

Хочется начать с записки, которая особенно мне памятна потому, что это было первое письменное распоряжение, полученное мною от Ильича, когда я пришел на работу в аппарат Совнаркома. Вот она:

«т. Смольянинов! Обращаю Ваше внимание на статью (на днях в **Известиях!** или в **Экономической Жизни!**) Белякова о Нарофоминской мануфактуре. Соберите всю прежнюю полемику об этом. **Вникните. Изучите** данные. Скажите мне итог.

Дело, кажись, важное.

Привет! Ленин».

Это не просто поручение. Это еще и инструкция, совет молодому, начинающему работнику. Нужно внимательно читать газеты. Нужно знать историю вопроса: «Соберите всю прежнюю полемику...» Вникать в суть дела. А изучив данные, уметь сделать вывод, «сказать итог». В этой коротенькой записочке Ильич сформулировал, собственно, главные свои требования к аппарату.

Теперь по существу записки. Она имела прямое отношение к той напряженной борьбе за хлеб, которую вели тогда партия, Ленин. Но позволительно спросить: какая же тут связь? Ведь Нарофоминская фабрика выпускала ткани, а борьба идет за хлеб. Но ткани-то как раз и нужны были для того, чтобы обменять их в деревне на хлеб. Товарообмен между городом и деревней был в ту пору главной задачей дня. И Ленина беспокоило, что такая фабрика, как Нарофоминская, простаивает из-за отсутствия топлива. Это значило, что будет меньше товаров для отправки их в деревню, а потому и меньше хлеба в городе.

Минувшее лето оказалось неурожайным, виды на будущее тоже не радовали. Борьба за хлеб была не менее решающей для судьбы молодой Советской республики, чем, скажем, борьба с Колчаком, с Деникиным, которых мы одолели. Нужно было победить и на хлебном фронте. И тут для Ленина не было мелочей. Он думал и о мешках для Украины и посылал по этому поводу грозную телефонограмму. Вот ему сообщили, что в Николаеве крестьяне охотно дают хлеб за мануфактуру, а ее туда не доставляют. «Кто отвечает за посылку мануфактуры? — строго спрашивает Ильич.— Промедление позорное и преступное».

Подсчеты показали, что на Украину нельзя особенно уповать: снова неурожай. Сибирь! Сибирь должна выручить. Среди прочих планов возникла мысль об отправке пароходов с товарами северными морями в устья Оби и Енисея. Стали снаряжать так называемую Карскую экспедицию. Ильич следил за ее подготовкой. В связи с этим я получил от него записку: «Дело **исключительно** важное и **СРОЧНОЕ**. Вы отвечаете за выполнение. Налягте всячески». Слова об ответственности мне были немножко непонятны. Ведь я не являлся непосредственным исполнителем. Пошел за разъяснением к Ильичу. Он всегда требовал, чтобы к нему приходили, если что неясно. Ильич сказал мне: «Вы несете ответственность в смысле ежечасного контроля за этим архиважным делом». Карская экспедиция прошла удачно. На плоскодонных судах в устья сибирских рек завезли много разнообразного товара для обменных операций.

Ленин вел борьбу за хлеб по всем линиям, в том числе и по линии закупки его за границей. Вот какую телеграмму просил он отправить Красину в Лондон в январе 1922 года: «Если не купите... 15 миллионов пудов хлеба, уволим с должности и исключим из партии. Хлеб нужен до зарезу, волокита нетерпима ... налягте изо всех сил».

Так было с хлебом.

Так вгрызался Ильич и в любую проблему.

Вот ведь он не был ни инженером, ни техником, а как великолепно разобрался в такой довольно сложной для того времени технической новинке, как гидроторф — гидравлическом способе добычи торфа, предложенном инженером Классоном! Вокруг этого предложения разгорелась дискуссия среди специалистов. Ильич пригласил их в Кремль. Был показан фильм о двух способах добычи торфа: старом, связанном с огромной затратой ручного труда, и новом, во много раз облегчающем труд. Преимущество его было явным. Но у противников гидроторфа имелось все же существенное возражение. «Нам нужен,— говорили они,— торф сухой. А вы делаете его еще более мокрым, добывая с помощью водяных струй». «Ну так нужен пресс, который отожмет воду...» — сказал Ильич, руководивший обсуждением фильма. Ему сразу полюбилась идея Классона, и он стал ревностным ее защитником. Мысль Ильича о прессе была осуществлена. Такую машину решили заказать немецкой фирме «Madruck». Проект постановления о заказе Ленин прислал нам в Управление делами с запиской: «1) послать на заключение подлежащих ведомств тотчас дабы 2) провести в С Т О в **СРЕДУ** 25/V».

А врубовые машины! Мы хотели купить их для Донбасса. Но товарищи из Главугля неожиданно заколебались. Вдруг-де эти машины не пойдут в донбасских условиях! Может, окажутся непригодными для тамошних горных пород. Вдруг... Может быть... Ленин потребовал более ясного ответа: «Я прошу совершенно точно и определенно сообщить точку зрения Главугля на целесообразность применения врубовых машин в производстве по добыче угля в Донбассе и то влияние на увеличение добычи, которое может оказать их применение...» А через два дня шлет вдогонку второе письмо: «Прошу Вас принять все решительные меры к обеспечению быстрейшей покупки врубовых машин...» Сейчас товарищам из Донбасса даже забавно, наверно, слышать о каких-то сомнениях в целесообразности врубовых машин. Были эти сомнения. Но Ильич быстро в них разобрался и отверг.

Несколько записок Ильича связано с КМА. Уже и в ту пору Курская магнитная аномалия, занимающая нынче так много места в планах семилетки, стояла на повестке дня и заботила Ленина. Правда, ученые не имели еще единого мнения об этой «загадке природы», как тогда говорили. По-разному трактовались причины резкого, на 5°, отклонения магнитной стрелки в районе Курска. В числе прочих была догадка об огромных залежах железной руды, которые влияют на стрелку. Энтузиастами этой версии были геолог И. М. Губкин и физик П. П. Лазарев. Они вели изыскания под Курском. Шла еще гражданская война, фронт проходил рядом, и нередко геологоразведчики были под огнем...

Ленин знал об этих работах с самого начала и провел через СТО постановление о признании их имеющими «особо важное государственное значение». Было издано несколько декретов по КМА: о приравнивании здешних работ к оборонным, о снабжении рабочих по шахтерским нормам, о мобилизации лошадей. Ленин предложил создать Особую комиссию по исследованию Курской магнитной аномалии—ОККМА. Возглавил ее Губкин, заместителем у него был Лазарев.

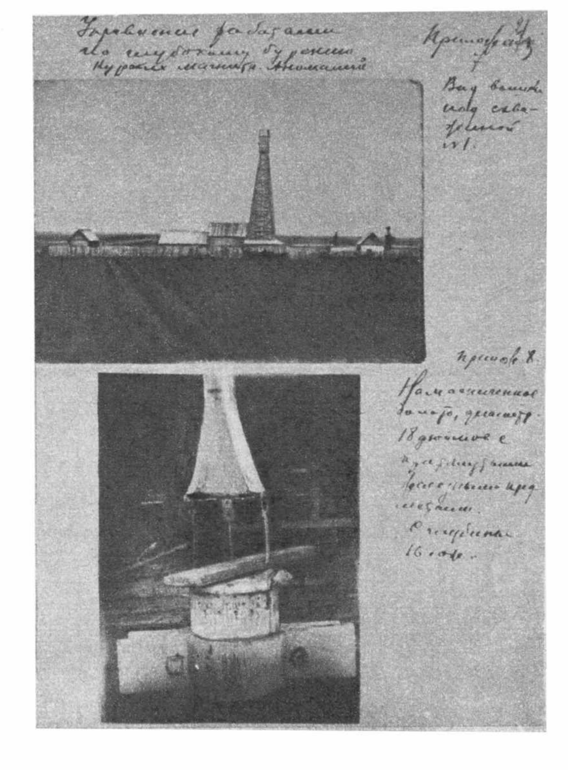
Летом 1921 года ученые, проведя соответствующие магнитометрические и гравиметрические исследования, решили заложить под городом Щигры первую разведочную буровую скважину. Оборудование для нее имелось только в Грозном. Привезти его оттуда оказалось не так просто. Время-то стояло неспокойное. Товарищи, которые везли инструмент, угодили в руки бандитов, и трое были расстреляны. Другую часть материалов по дороге в Курск завезли в Тифлис и долго не могли оттуда вывезти. Но вот наконец буровую оборудовали, и она начала действовать. Об этом сразу же доложили Ильичу. Он следил за результатами бурения, требуя отчетов от ОККМА. Зимой как-то задержался очередной отчет, и Владимир Ильич забеспокоился, попросил меня узнать, в чем дело. Я послал письменный запрос Губкину, и вскоре пришел от него объемистый пакет с отчетом, «Известиями физического института» и двумя фотоснимками. Я понес все это Ильичу, и он особенно заинтересовался фотографиями. Они и в самом деле были любопытные.

На первой — высокая деревянная вышка над скважиной, несколько домишек, и у забора, окружающего все это хозяйство,— с десяток лошаденок, впряженных в телеги.

— Наши, наверно, мобилизованные,— сказал Ильич, вглядываясь, и добавил задумчиво: — Будет когда-нибудь у нас техника и побогаче...

На втором снимке — долото бура, поднятое с глубины 16 саженей. Там, на глубине, оно намагнитилось и притягивает теперь к себе металлические предметы.

Эти снимки показывали Владимиру Ильичу Ленину в декабре 1921 года.



— Вы не любопытствовали,— спрашивает меня Ильич,— какова сила магнита?

— Лазарев рассказывал, что долото притянуло четырнадцать килограммов металла.

— Ого! — воскликнул Ильич.— Почти пуд. Кажется, предсказания наших ученых начинают сбываться.

Да, их предсказания сбывались. Бур, уходя глубже, намагничивался все сильней. У разведчиков было немало переживаний. Как радовались они, когда долото встретило на пути твердую породу, оказавшуюся железорудным кварцитом! Потом снова появилась мякоть — глина с остатками древних рыб. Над геологами начали подшучивать: «Рыбу ловят в земле!..» А за «рыбой» снова пошли кварциты, и настроение поднялось. Ясно было, что работы нужно расширять. Но чьими силами? Полагали, что самим нам не справиться. Возникло предложение сдать часть разведочных работ в концессию немцам. Одно время и Ильич склонялся к этой идее. Уж очень нужен был нам металл для подъема хозяйства! И Ленин считал, что для скорейшего решения этой проблемы пригодно и такое средство, как концессия. Был уже подготовлен проект договора с немецкой фирмой, приехали люди из Германии. Во время переговоров аппетит у них разгорелся. Ознакомившись с претензиями немцев, побеседовав с Губкиным, Лазаревым, которые были противниками концессии, видя энтузиазм работников КМА, их успехи, Ильич решил, что наши люди справятся и сами. Позиция его была тверда, и он не отступал от нее: не подпускать иностранцев!

В XXXVI сборнике впервые опубликовано письмо Ленина, в котором ярко отражено его отношение к КМА: «Обращаю внимание на исключительную важность работ по обследованию Курской магнитной аномалии... почти доказано, что мы имеем там неслыханно богатый запас чистого железа». И далее Ильич требует самого быстрого ведения работ, максимальной быстроты с закупкой оборудования. А в конце снова пишет: «...мы имеем здесь почти наверное невиданное в мире богатство, которое способно перевернуть все дело металлургии». Между прочим, в том же письме Ильич просит не давать в печать никаких сведений об этом, «ибо можно опасаться, что в противном случае интервенционистские планы могут усилиться». Он не забывает, что опасность войны все еще существует. Через три дня после этого письма Ленин опять пишет по поводу КМА: «...я продолжаю настаивать на сохранении конспирации и непривлечении иностранцев».

Ильич, можно сказать, не снимал рук с КМА. Много раз посылал он меня то к Губкину, то к Лазареву за информацией о ходе работ. 22 апреля 1922 года, в субботу, Ленин виделся с Лазаревым, и встреча эта произошла в несколько необычной обстановке. Ильич готовился к операции по извлечению одной из двух пуль, застрявших у него в теле после ранения. Требовалось просвечивание. Хороший рентгеновский аппарат имелся только в Институте физики, которым руководил академик Лазарев. Ленин приехал туда, на 3-ю Миусскую, и, после того как ему сделали рентгеноскопию, долго беседовал с ученым, рассказывавшим ему, конечно же, о КМА.

Вскоре я получил записку от Владимира Ильича:

«Тов. Смольянинов!

Прошу Вас проверить, правильно ли передают мне частным образом, что академик Лазарев, давно работающий по Курской аномалии, обескуражен тем, что ему будто бы отказали во всякой денежной поддержке.

Узнайте, на какую сумму он рассчитывал и какая ему дана».

Проверил. Узнал. И вот что выяснил. Лазарев действительно обращался в Наркомфин за ассигнованиями на покупку за границей бурового оборудования, необходимого для работы на больших глубинах. Требовалось 200 тысяч рублей золотом. Наркомфин в выдаче этой суммы отказал на том основании, что время-де трудное и не до аномалий сейчас. Ученый обжаловал действия этого наркомата в другой наркомат — рабоче-крестьянской инспекции. Но там поддержали финансистов, считая, что работы на КМА следует приостановить до более благоприятной поры, а средства направить туда, «где они нужней». Ох, и возмутился же Ильич, ох, и рассерчал на чиновников, не видящих дальше своего письменного стола! Просьбу Лазарева удовлетворили. За границей купили все нужное оборудование и в том числе станки алмазного бурения. И станки эти помогли достичь замечательных результатов. В июне 1923 года буровики обнаружили под Щиграми на глубине 167 метров железную руду. «Загадка природы» была разгадана. Ильич в то время лежал уже тяжело больной, и сообщить ему об этой славной победе не удалось...

Читая о сегодняшней КМА, о несметных запасах руды, обнаруженных там, я всякий раз вспоминаю Ильича, вижу его склонившимся над снимком первой буровой скважины. А недавно я увидел в журнале другой снимок, который показался мне символичным. Движется огромная колонна грузовых машин. Везут богатую руду, добытую на открытых разработках около города Губкина. И на радиаторе головной машины — портрет Ленина...

(Окончание следует).

Курская магнитная аномалия. Вскрышные работы в карьере Михайловского рудника.

Фото О. Сизова (ТАСС).



ТОК ИДЕТ С ВОЛХОВСКОЙ

В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна. Москва, июнь — июль 1921 года (кинокадр).

26/1. 1922 г.
В Наркомвнешторг
ТОВ. ЛЕЖАВЕ

Товарищ Ломоносов сообщает, что снова происходят задержки с заказом турбин для Волховского строительства.

Предлагаю немедленно выяснить и окончательно разрешить этот вопрос с тов. Ломоносовым с тем, чтобы в дальнейшем не происходило ни малейших задержек с этим возмутительно долго затянувшимся делом.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 409).

Распоряжение Владимира Ильича было выполнено. Монтаж турбины начался в срок. И вот в декабре 1926 года всю страну облетела радостная весть: Волховская ГЭС дала ток!

...Мы в белоснежно-чистом, просторном зале. Вытянувшись в ряд, стоят машины, те самые, о которых в свое время беспокоился Владимир Ильич. Они исправно работают уже более трех десятилетий.

Первая гидростанция, построенная по плану ГОЭЛРО, оснащалась не только зарубежной, но и отечественной техникой. В глубине зала на стене мраморная плита с надписью:

«Ленинградским заводом «Электросила» для намеченной тов. Лениным электрификации СССР выполнены впервые из русских материалов, русскими силами:

4 главных генератора по 8 750 ква

2 вспомогат. генератора по 1 250 ква

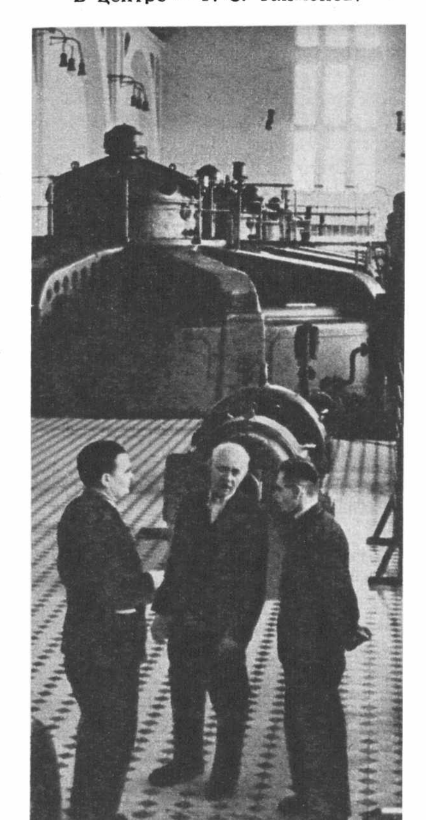
8 мотор-генераторов по 100 ква».

...В машинном зале мы встретились с ветераном Волховской ГЭС Георгием Савельевичем Тайменевым, дважды награжденным орденом Ленина. Совсем недавно он ушел на пенсию. Но и теперь часто бывает на электростанции, с которой связана вся его жизнь. Ведь он рыл здесь котлованы и закладывал фундаменты, потом монтировал механизмы, а когда турбины заработали, нес вахту у щитов.

— Много трудностей встречали мы в первые годы стройки,— вспоминает Г. С. Тайменев,— но, ощущая помощь Ильича, работали без устали. Стройка на Волхове стала хорошей школой советских энергетиков и гидростроителей. Многие наши ветераны уехали отсюда на Свирь, на Днепрогэс и другие крупные гидростанции страны.

Волховская ГЭС имени В. И. Ленина давно уже намного превысила проектную мощность. Отсюда в разные стороны расходятся высокие металлические мачты передачи. По проводам идет энергия на Волховский алюминиевый завод, на предприятия Ленинграда, Новгорода...

В машинном зале Волховской ГЭС. В центре — Г. С. Тайменев.



ЕЛЕЦКИЕ СОВДЕПЫ

30. V. 1918 г.
В редакцию ИЗВЕСТИЙ ЦИК

Податели — представители Елецкого совдепа. Очень прошу поместить в газете интервью с ними. Образцовый уезд по порядку, учету КУЛЬТУРНЫХ ИМЕНИЙ и хозяйству в них, по ПОДАВЛЕНИЮ буржуазии.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 45).

Нам удалось узнать, кого посылал вождь революции в редакцию «Известий» как представителя Елецкого Совдепа. Им был Андрей Христофорович Бровкин, сын крестьянина-бедняка, батрак. Сейчас он на пенсии. В его памяти не стерлась ни одна подробность незабываемой встречи с Владимиром Ильичем. В тот трудный 1918 год белые все ближе продвигались к Ельцу. Тогда-то Бровкин и был командирован к В. И. Ленину — нужно было решить важные вопросы обороны города и уезда, вопросы строительства новой жизни.

Андрей Христофорович прибыл в Москву. И вот что рассказывает он о дальнейшем:

— Секретарь Совнаркома товарищ Горбунов сообщил мне: Владимир Ильич примет вас завтра ровно в 12 часов. Только не опаздывайте, пожалуйста.

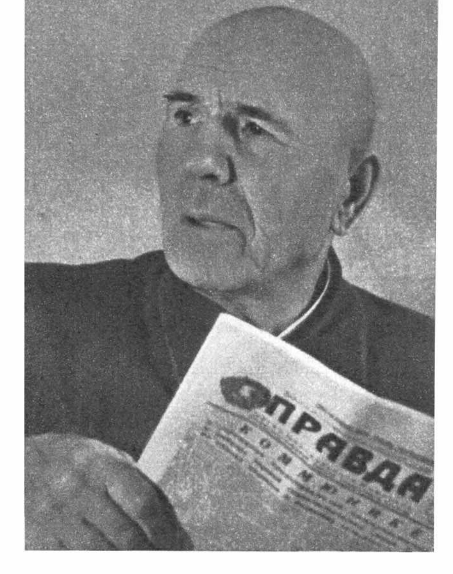
На следующий день рано утром я решил погулять по улицам Москвы и все думал: не опоздать бы на прием. И все-таки на пять минут опоздал. Товарищ Горбунов с досадой воскликнул:

— Что же вы наделали! Разве можно так опаздывать! Владимир Ильич уже дважды спрашивал о елецком делегате. Теперь прием начался, вы нарушили порядок.

Я, конечно, очень расстроился. Тогда Горбунов подошел ко мне:

— Ну, подождите... Попытаюсь доложить.

От товарища Ленина он вернулся улыбающимся.



Андрей Христофорович Бровкин.

— Пойдете через десять минут.

Я обрадовался, успокоился. Сижу на диване. Ко мне подсели с одной стороны Горбунов, с другой — Бонч-Бруевич, говорят:

— Постарайтесь уложиться в пять — шесть минут, сосредоточьтесь и доложите самое основное коротко, ясно.

Вдруг слышу: «Товарищ Ленин вызывает елецкого делегата».

Когда я вошел, Ильич стоял почти у самой двери. Протянул мне руку, повел к своему столу и усадил в кресло. И сам сел за стол. «Ну, товарищ, рассказывайте...»

Говорю Владимиру Ильичу о цели своего приезда. Говорю о том, как мы вооружили рабочих, мобилизовали буржуазию на рытье окопов. Потом Ленин задал много вопросов, интересовался настроением рабочих и вообще населения. А в конце беседы взял блокнот, написал письмо в редакцию «Известий» и сам вложил его в конверт. Я пошел в редакцию и рассказал там обо всем, что делалось в Ельце.

А в Ельце тогда делалось вот что. Упразднили земство; распустили думу и управу; создали отряды для реквизиции хлеба у лиц, имеющих большие запасы; Совдеп объявил мобилизацию для пополнения рядов Красной Армии; произвели обыски у буржуазии, чтобы изъять оружие и излишки продовольствия; состоялся 3-й чрезвычайный съезд крестьянских депутатов; в Аргамачской слободе подавили контрреволюционное кулацкое восстание, организованное попом Брянцевым и меньшевиком Плотниковым; приняли декрет о единовременном налоге на буржуазию в сумме двух миллионов рублей; население Ельца отчислило в пользу рабочих Петрограда свой двухдневный паек хлеба; подавили кулацкое восстание в Краснополянской волости; расстреляли участников контрреволюционного заговора; открыли первый родильный приют, клуб социалистической молодежи, созвали съезд учителей по вопросам краеведения...

Кто же возглавлял тогда Совдеп? Мы разыскали его председателя, Ивана Никитича Горшкова. Много любопытного рассказал он нам и, между прочим, такую веселую историю: сразу же после революции в Ельце был создан... Совнарком. По образцу центральных органов. Председателем Совнаркома избрали Горшкова — большевика, сына бедного крестьянина. Ну, и, как полагается, были в Совнаркоме соответствующие комиссары: одним из портфелей — наркомздрава — обладал и Бровкин, не имевший к медицине никакого отношения.

В Москве известие о Елецком Совнаркоме вызвало улыбку у многих. Яков Михайлович Свердлов, увидя мандат, подписанный елецким предсовнаркома, сказал, не скрывая иронии:

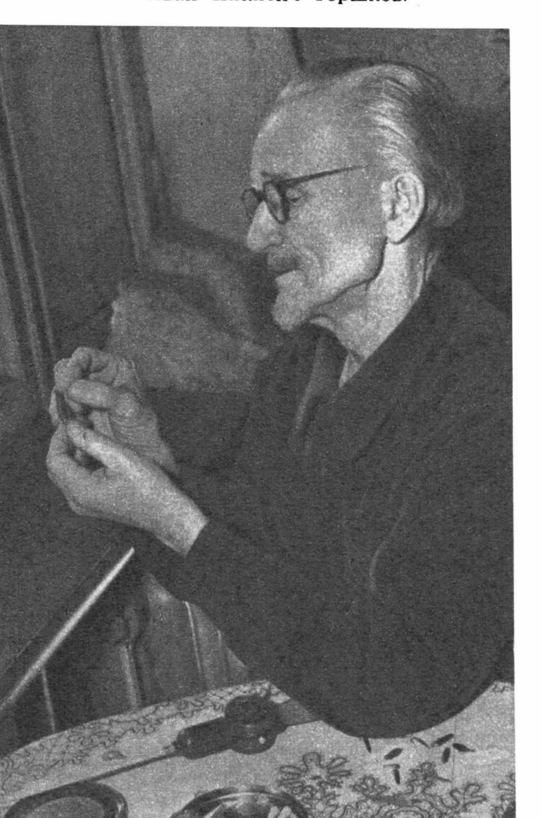
— Не поймешь, кто у нас возглавляет власть: и Ленин председатель Совнаркома, и Горшков председатель Совнаркома.

А Владимир Ильич, узнав о Елецком Совнаркоме из рассказа самого «наркомздрава» Бровкина, от души смеялся и потом сказал:

— Зачем же вам Совнарком? Называйте свою местную власть так, как и всюду,— Совдеп.

Конечно же, в Ельце после этого ликвидировали Совнарком. Единой властью стал возглавляемый Горшковым Совдеп, авторитет которого быстро рос. Иван Никитич вспоминает, что на первых порах крестьяне полагали, будто Совдеп — это фамилия «самого главного большевика» в Ельце. И, приезжая в город, искали дом, где живет этот самый Совдеп, спрашивали, как его по имени-отчеству величать.

Иван Никитич Горшков.



Многое припоминает Иван Никитич. Но самое главное — встреча с Лениным в июле 1918 года.

Горшков был делегатом V Всероссийского съезда Советов. Во время перерыва он беседовал с одним из делегатов, рассказывая, как елецкие большевики борются с контрреволюцией. Мимо проходил Ленин и, услышав о Ельце, остановился около Горшкова и сразу начал его расспрашивать о положении в городе и уезде. Но перерыв кончился, и Ленин попросил Горшкова зайти к нему завтра.

И вот председатель Совдепа в кабинете Владимира Ильича.

— Я слышал,— сказал Ленин,— что елецкие товарищи здорово провели обыски у буржуазии. Как вы это сделали?

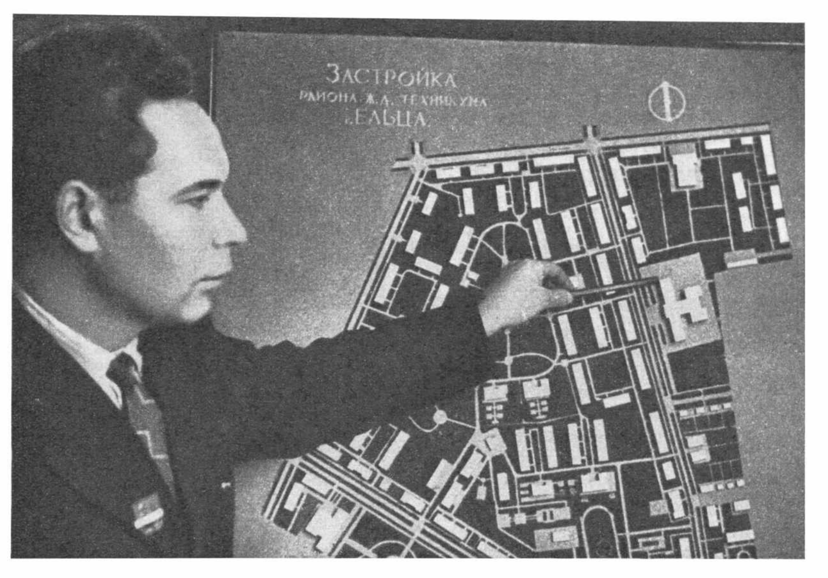
Горшков рассказывал о том, как были созданы тройки из самых надежных и честных людей; и о том, что в конфискованных помещичьих имениях созданы образцовые хозяйства, во главе которых поставлены верные и опытные товарищи; и о том, что хлеб в уезде имеется — у кулаков его нужно брать с оружием, а вообще крестьяне охотно отдадут хлеб в обмен на товары.

По распоряжению В. И. Ленина Елецкому уезду были отпущены два грузовика — для образцовых хозяйств. А через несколько дней в город прибыл поезд с мануфактурой, плугами и другими товарами...

И вот в Москву ушли эшелоны хлеба — более шести миллионов пудов. Славно работали елецкие большевики! И их не раз хвалил Владимир Ильич Ленин. На IV конференции профсоюзов вождь революции говорил: «Когда у меня были с докладом первый раз представители Елецкого уезда, я не поверил им, я подумал, что люди прихвастнули, но мне подтвердили товарищи, специально посланные из Москвы в другие губернии, что только можно приветствовать их постановку дела, подтвердили, что в России есть такие уезды, где местные Совдепы оказались на высоте задачи, сумевши добиться полного устранения из Советов кулаков и эксплуататоров и организовать трудящихся, организовать бедноту»...

Таковы они, представители Совдепа революционных лет. А кто же их наследники?

Ныне председатель исполкома Елецкого райсовета — Иван Андреевич Скорик. Он сын железнодорожного рабочего, в недавнем прошлом — стрелок-радист, совершивший на фронте 235 боевых вылетов. Горсовет возглавляет Алексей Николаевич Соколов. В дни, когда Елецким Совдепом руководил Горшков, Скорика и Соколова еще не было на свете. И подумалось, что их ничто и никак не связывает со старым Ельцом, с событиями революционных лет. Но мы ошиблись. Соколов — потомственный ельчанин. В Ельце родились и дед и отец Алексея Николаевича. И все они работали на махорочной фабрике елецкого купца-миллионера Заусайлова. Эту фабрику называли «елецкой каторгой»: труд был неимоверно тяжел. Рабочие горячо встретили революцию. Отец рассказывал Алексею, как Совдеп сразу же заставил Заусайлову (сам хозяин к тому времени умер) выплатить зарплату рабочим — они давно не получали денег. Купчиха сама принесла в Совдеп 15 тысяч рублей — задолженность по зарплате.



Председатель исполкома Елецкого горсовета А. Н. Соколов.

Фабрика стала народным достоянием. И вот сюда по стопам деда и отца пришел Алексей Соколов. Сперва — рабочим. Закончил заочный институт пищевой промышленности, стал главным махорочным мастером, а затем — директором. Перестроил и реконструировал производство. В цехах появились совершенные машины-автоматы. От старой фабрики Заусайлова остались только стены, да и то не всюду. А в мае 1958 года Соколова избрали председателем исполкома городского Совета.

Соколов и Скорик рассказали нам о переменах, происшедших в городе и районе. В бывшем имении царского министра внутренних дел Хвостова — совхоз «Ключ жизни». Другой совхоз, «Воронецкий»,— бывшее владение министра путей сообщения. Здесь хороший племенной скот, тут самые высокие по району надои молока.

Много здесь таких мест, где старое и новое тесно переплелись. Особенно в древнем Ельце.

На южной стороне, за Лучком, впадающим в быструю Сосну, вырос на пустырях совершенно новый город. Вырос очень быстро — фактически за послевоенные годы. И вот если вы сядете в автобус и поедете на эту лучковскую сторону, то кондуктор будет называть остановки: Элементный завод (здесь делают сухие батареи), Завод прожекторных углей (угли для прожекторов, кинопроекционных аппаратов и т. д.), Завод станочной гидроаппаратуры...

Да и без помощи кондуктора вы сами догадаетесь: вон там огромный элеватор. Он вступил в строй в позапрошлом году. А вот новый жилой городок, дальше — еще городок, детсад, ясли. А там что за корпуса? Строится завод медицинского оборудования. Строясь, он уже дает продукцию.

Зайдемте на это самое молодое в Ельце предприятие и познакомимся с депутатом горсовета Елизаветой Петровной Кирилловой. В Ельце нет человека, который не знал бы ее. Это она в грозном

1941 году, лютой зимой, вступила в ополчение и защищала родной город. Вместе с подругой Аней Гайтеровой косила из пулемета фашистов. Враг обнаружил огневую точку и начал обстреливать ее из минометов. Аня была убита. А Лизу ранило в руку, которую пришлось ампутировать. Теперь в Ельце есть улица, носящая имя Ани Гайтеровой.

Что же делает сейчас отважная Лиза? Она председатель заводского комитета и, как сказано, депутат горсовета, активный, деятельный, уважаемый избирателями.

На соседнем заводе, элементном, трудится депутат Ираида Егорова. Комсомолка, она возглавляет бригаду девушек, которые первыми в городе завоевали звание бригады коммунистического труда. Чудесные девчата! Они очень дружны и, как говорят здесь, «всюду ходят гуртом»: в кино, на каток, на концерты, вместе патрулируют по улицам в составе народной дружины.

Многое можно было бы еще рассказать о депутатах нынешнего Совдепа, которые, кстати, немало говорили нам и о недостатках, ибо очень любят свой город, хотят, чтобы он хорошел год от года. Но ограничимся тем, что сказал нам о будущем Ельца Алексей Николаевич Соколов:

— За послевоенные годы Елец вырос вдвое — и по населению и по площади. Много нового появится у нас в семилетку: и промышленных предприятий, и жилищ, и культурно-бытовых учреждений. Будем продолжать реконструировать город. Кстати, недавно утвердили генеральный план развития Ельца, рассчитанный на двадцать пять лет. За семилетку мы намерены построить сто пятьдесят тысяч квадратных метров жилья. Недавно Елец получил газ — это очень большая радость для всех нас. Одним словом, елецкому горсовету предстоит осуществить немало хороших дел и тем самым продолжить славные традиции революционного Совдепа, о котором сказал добрые слова Владимир Ильич...

ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ!

...Тов. Белов! Я с Вами в идее согласен.

Двиньте это ПРАКТИЧЕСКИ...

В УНИВЕРСАЛЬНОМ МАГАЗИНЕ Вы должны остаться и развернуть образцово.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 368).

Тов. Белов А. А. был в 1921 году, когда он получил эту ленинскую записку, заведующим ГУМом—Государственным универсальным магазином на Красной площади в Москве. 3 октября 1921 года Малый Совнарком вынес постановление об организации междуведомственного универмага.

ГУМ, созданный по указанию Ленина, стал ныне всемирно известным советским торговым предприятием, самым крупным в мире универсальным магазином по количеству совершаемых в нем покупок — их бывает по 200 тысяч в день. Торговые прилавки здесь протянулись на три километра. Каждый день из центральной кассы увозят в банк десять миллионов рублей. Вот что представляет собой современный ГУМ!

Мы идем по нарядным и оживленным галереям универмага вместе с его нынешним директором В. Каменевым. Он старый торговый работник и помнит, каким был ГУМ на заре Советской власти.

— Помещение было таким же, какое занимает и нынешний ГУМ,— говорит В. Каменев,— но тогда торговлю вели только на первом этаже. Сейчас залы раскинулись на двух этажах здания, а третий этаж занят первоклассными ателье.

Мы проходим мимо блестящих витрин. У прилавков толпятся покупатели. Особенно людно возле фонтана. Мерное журчание водяных струй придает своеобразный уют этому уголку. Гумовские старожилы вспоминают, что фонтан издавна пользуется любовью москвичей. В первые годы после открытия магазина весной обычно у фонтана устраивался базар, играл оркестр. Здесь распродавали залежалые товары. Для привлечения покупателей устраивалась лотерея: купил на пятерку — получай лотерейный билет, купил на сотню — двадцать билетов. Выигрыши выставлялись тут же для всеобщего обозрения.

— Современный ГУМ не нуждается, конечно, в таком методе привлечения покупателей,— говорит В. Каменев.— Его популярность общеизвестна. Правда, число покупателей за последнее время в связи с широким развитием торговли во всех городах и поселках страны несколько уменьшилось. Но все же торговля идет у нас бойко и товар не залеживается. Владелец одного крупного американского универмага, посетив ГУМ, сказал, что он был бы счастлив, если бы хоть один день в году продавал столько товаров, сколько продает наш универмаг ежедневно. Мы рассказали заморскому гостю, что получаем товары из 250 городов нашей страны, что у нас продаются товары, изготовленные на 1 400 советских фабриках и заводах, что на гумовских прилавках множество импортных товаров из социалистических и капиталистических стран. Американский бизнесмен недоумевал: «И все это продается?» «Конечно,— отвечали мы ему,— а кое в чем еще и недостаток ощущается!» «Колоссальный спрос!» — заключил гость.

Лозунгом и девизом старого ГУМа было: «Все для всех!». Это остается девизом и нашего ГУМа, воссозданного Советским правительством шесть лет назад.



В. И. Ленин у рабочих Рублевской водокачки. 1919 год (кинокадр).

ЛЕНТА, ОПОЯСАВШАЯ МИР

В Москву приехал уполномоченный итальянской кинематографической фирмы Чито-Чинема, коммунист т. Кароти, с которым наше итальянское представительство вело предварительные переговоры относительно концессии на съемку и покупку фильмов в России и эксплуатацию этих фильмов в Италии.

...Дело это я считаю чрезвычайно важным И СПЕШНЫМ...

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 371—372).

Это письмо Владимира Ильича от 5 декабря 1921 года было направлено в ряд наркоматов и заведующему Всероссийским фотокиноотделом при Наркомпросе товарищу Воеводину.

Вот что рассказывает Петр Иванович Воеводин, член партии с 1898 года:

— В те годы наша отечественная кинематография переживала очень тяжелый период. Бывшие хозяева кинофирм, владельцы кинотеатров и прочие киноудельцы всячески пытались сорвать раз-

витие кино в республике. Владимир Ильич, придавая огромное значение кинематографу, как самому массовому искусству, несмотря на необъятность своих дел, внимательно следил за его становлением. Он часто вызывал меня к себе для беседы, подробно расспрашивал о работе отдела, много помогал и советом и поддержкой проводимых нами мероприятий, лично вмешивался в дела кино.

Многие иностранные кинофирмы в то время предлагали нам создать свои концессии в России для съемки фильмов. Наибольший интерес представляло предложение итальянской фирмы Чито-Чинема. В Москву приехал ее представитель, коммунист тов. Кароти. Итальянцы выражали готовность не только организовать свою концессию, но также покупать и показывать за границей советские фильмы.

Это было очень заманчиво, так как давало нам возможность выйти на мировой экран и средствами кинематографа знакомить миллионы людей с жизнью молодой Советской республики.

Владимир Ильич с вниманием отнесся к предложению фирмы Чито-Чинема. Написав приведенное выше письмо, он вызвал меня и в личной беседе еще раз подчеркнул, какое он придает большое значение этому вопросу.

После разговора с Лениным, в Кремле, на квартире заместителя председателя СТО А. Д. Цюрупы, было созвано совещание. На нем присутствовали представители Наркомвнешторга, ВСНХ, юристы.

Я сделал доклад о поступивших нам предложениях, которые тут же очень досконально, всесторонне обсудили. Разговор был обстоятельным: ведь речь шла не просто о методах восстановления русской кинопромышленности — закладывался фундамент советского киноискусства.

Я подробно доложил потом Владимиру Ильичу, как прошло это совещание, какие вопросы и предложения возникали у присутствовавших, и посоветовался с ним о постановке кинодела у нас.

Вскоре Ленин предложил Наркомату просвещения заняться реорганизацией Всероссийского фотокиноотдела.

Так было создано Госкино — учреждение, которому и поручили заняться восстановлением и развитием отечественного кинематографа и выходом его на мировой экран.

* * *

Мы обратились к председателю Комиссии по международным связям Союза кинработников СССР народному артисту РСФСР, кинорежиссеру С. И. Юткевичу с просьбой рассказать нам о том, как сейчас претворяются высказанные в приведенном выше письме мысли и пожелания Владимира Ильича Ленина о кино.

— Говорить о наших международных связях можно очень много и долго, поэтому давайте обратимся к фактам, а так как их тоже великое множество, возьмем только наиболее интересные и только за последний год,— предложил С. Юткевич.

Начнем с того, что советские фильмы идут, и, насколько нам известно из зарубежной прессы и из личных впечатлений, очень успешно, в 87 странах. Какими только языками «не овладели» в течение одного года Андрей Соколов из фильма «Судьба человека», Григорий Мелехов и Аксинья («Тихий Дон»), Марютка («Сорок первый»), Вероника («Летят журавли») и многие другие! Фильмы дублированы на самые разные языки.

Да разве только художественные фильмы пользуются таким признанием!

В октябре 1959 года вышел документальный фильм «Н. С. Хрущев в Америке». Он уже демонстрировался в 67 странах.

Каждый год все новые страны заявляют о желании лучше познакомиться с советской кинематографией.

В течение прошлого года наши фильмы появились впервые на экранах Кубы и Филиппин, Марокко, Ганы, Южно-Африканского Союза... Ну, а советские люди с неизменным интересом смотрят картины наших друзей. В любой день разверните газету — и вы увидите множество анонсов с марками зарубежных кинофирм. Ежедневно кинотеатры, клубы, кинопередвижки демонстрируют по стране триста с лишним иностранных фильмов. За 1959 год мы купили более ста полнометражных художественных картин. Загляните сейчас на наши киностудии, 39 названий вы увидите в списках дублируемых фильмов. А культурный обмен все расширяется. Скоро на наших экранах появятся произведения молодой кинематографии Вьетнама, Пакистана, Ирака...

Международный кинофестиваль, который состоялся в августе 1959 года в Москве под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!», очень расширил наши связи. Сорок восемь стран приняло в нем участие. И среди них было немало тех, кто впервые присутствовал на международных конкурсах.

Наш гость Абель Ганс вспоминал на фестивале, как в 1926 году он первый во Франции купил 15 советских картин и показывал их соотечественникам. А сейчас французские и советские кинематографисты с волнением ожидают премьеры «Нормандия — Неман».

В Италии, о которой идет речь в письме Владимира Ильича, только за последние годы было показано более 20 наших фильмов.

В новом фильме, который сейчас в Италии ставит Росселлини, снимается народный артист СССР Сергей Бондарчук. Его хорошо знают зрители Италии, где демонстрировались «Судьба человека», «Отелло», «Неоконченная повесть»...

Советские кинематографисты неизменно принимают участие в Венецианском ежегодном международном кинофестивале. В 1959 году здесь были премированы «Звероловы», «Четвероногие астронавты», «Скоро будет дождь», «Тамбу-Ламбу» и «Атом помогает нам».

Хочу напомнить, что за годы, прошедшие после войны, советским фильмам было присуждено около 250 международных премий и почетных дипломов.

Советские кинематографисты являются коллективным членом Международной ассоциации научного кино, а на последнем конгрессе, в Лондоне, председателем ассоциации вновь избран советский режиссер А. Згуриди. В Международном союзе обществ кинематографической техники вице-президентом является главный инженер киностудии «Мосфильм» Б. Коноплев.

Мы принимаем участие и в работе Международного детского центра при ЮНЕСКО и в Международном смотре кинопрограмм для молодежи...

Мы связаны с виднейшими научными и общественными зарубежными киноорганизациями. Постоянный обмен делегациями, недели, смотры, торжественные премьеры зарубежных фильмов у нас и советских за границей, совместное производство фильмов, участие в международных кинофестивалях (только в 1959 году — в 23) — все это постоянная форма сотрудничества советских и зарубежных кинематографистов. Каждый день нам приносит новых друзей, растут творческие контакты. О советском кино можно сказать, что это лента, опоясавшая мир. Сегодня зрители всех пяти континентов аплодируют советским фильмам!



В кинотеатре «Ля Континенталь» в Лондоне идет фильм «Н. С. Хрущев в Америке». Здесь этот фильм назван несколько иначе: «Г-н Хрущев — человек мира».

Фото З. Лыткиной.

ВАХТА В ОКЕАНЕ

Т. Войкову

Сегодня же сообщите, почему и по чьей вине задерживается отъезд в Норвегию для закупки рыболовного оборудования для Мурмана тт. Казакова и Пивоварова...

14/V 21 г.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 236).

Корреспондент «Огонька» связался по телефону с заместителем председателя Мурманского совнархоза В. И. Носалем и попросил его рассказать о сегодняшних делах рыбаков Заполярья.

— Наши рыбаки, о которых так заботился Владимир Ильич Ленин, располагают сейчас мощным промысловым флотом,— рассказал В. И. Носаль.— В его составе около четырехсот крупных океанских судов, оборудованных специальной гидроакустической аппаратурой для поиска рыбных косяков в море. Лов и обработка рыбы механизированы: машины выбирают сети, вытряхивают из них рыбу, которая после разделки поступает в посольные агрегаты. И сами суда и все снаряжение изготовляются теперь на отечественных предприятиях.

Техника лова совершенствуется. Сотрудники Полярного научно-исследовательского института в содружестве с моряками освоили лов сельди на различных глубинах с помощью специальных тралов. Это более эффективно, чем применение дрифтерных сетей.

Расширился и район промысла. Теперь мурманские рыбаки ловят не только в Баренцовом море, но и в северо-западной части Атлантического океана, у берегов Канады и Гренландии. В прошлом году там было добыто около трех четвертей всего улова. Чтобы сэкономить рабочее время рыбаков, добытая рыба перегружается на месте лова в транспортные рефрижераторы.

В первый год семилетки мурманские рыбаки выполнили план добычи досрочно.

— Сейчас в океане штормовая пора,— в заключение беседы сказал В. И. Носаль,— но суровая погода не пугает мастеров добычи. Они успешно продолжают лов.

СВЯТЫНЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Совет Народных Комиссаров от 25 октября 1920 г. постановил:

1. Назначить сыну Николая Гавриловича Чернышевского Михаилу Николаевичу Чернышевскому пожизненную пенсию в размере 20 000 р. в месяц и три продовольственных пайка в размере красноармейских тыловых.

2. Предложить Саратовскому губисполкому произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Н. Г. Чернышевского и квартира его сына, М. Н. Чернышевского, и принять меры к охране его и поддержанию в полной исправности.

В. Ульянов (Ленин)

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 136—137).

Дом-музей Н. Г. Чернышевского хорошо знают не только саратовцы. Множество людей посещает небольшой одноэтажный домик на улице, которая носит теперь имя великого революционного демократа. Каждый, кто приезжает в старинный волжский город, считает своим долгом побывать здесь. Только за прошлый, 1959 год зарегистрировано 24 600 посетителей, в числе которых были гости из Китая, Румынии, Польши, Болгарии, Чехословакии.

В конце 1919 года музей только зарождался. Сын Николая Гавриловича, Михаил Николаевич, собрав книги, рукописи и многие вещи отца, передал их вместе с родовым домом в дар Советскому государству.

Тяжелое было время! Еще не закончилась гражданская война, повсюду царила разруха. Но это не помешало Владимиру Ильичу живо заинтересоваться судьбой сына великого революционера и позаботиться о только что созданном музее.

По инициативе Владимира Ильича был издан декрет, объявляющий дом Н. Г. Чернышевского национальным достоянием.

Здание дома-музея было реставрировано и до сей поры сохраняется в своем первоначальном виде.

Научные сотрудники дома-музея во главе с директором внучкой Николая Гавриловича, Н. М. Чернышевской, ведут большую работу. Продолжая творческое изучение великого наследия, они часто выступают с докладами на предприятиях Саратова.

Недавно в местном книжном издательстве вышел двухтомник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». В его подготовке деятельное участие приняла Нина Михайловна Чернышевская. Минувшим летом она трудилась над новым изданием книги «Летопись деятельности Н. Г. Чернышевского» и над сценарием диафильма «Дом-музей Н. Г. Чернышевского».

С чувством глубокой признательности Советскому правительству и великому Ленину уходят из музея посетители, мысленно повторяя слова Константина Федина, написанные им летом прошлого года: «Счастлив, что еще раз довелось мне посетить эту памятную святыню русской культуры...»



В доме-музее Н. Г. Чернышевского.

Фото Л. Крушинского.



В. И. Ленин. Москва. Ноябрь 1918 года (кинокадр).

НА САМОЕ ТРУДНОЕ

Понимать так, как есть: решение ЦК. ВРЕМЕНА ВОЕННЫЕ. Все НА НАИБОЛЕЕ ТРУДНОЕ.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 75).

Эта записка была направлена Лениным члену партии М. М. Костеловской в апреле 1919 года, когда шла мобилизация коммунистов на борьбу против Колчака.

Ленин хорошо знал Костеловскую, вступившую в партию еще в 1903 году, знал ее мужа, тоже большевика, родного брата писателя Серафимовича. После Февральской революции Костеловская была выбрана секретарем первого легального большевистского райкома на Пресне. Она приезжала в Петроград как делегатка московской партийной организации на седьмую (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б). Выступила там, и в протоколах есть запись ее речи с репликой Ильича: «Правда».

В дни Октября Костеловская была среди бойцов на баррикадах. Потом партия поручила ей трудную работу. Москве угрожал голод, и было создано Военно-продовольственное бюро, ведавшее вооруженными рабочими отрядами, которые добывали хлеб. Во



Мария Михайловна Костеловская (во втором ряду) — начальник политотдела 2-й армии Восточного фронта — 1919 год.

КРЫМ — КУРОРТ МИЛЛИОНОВ

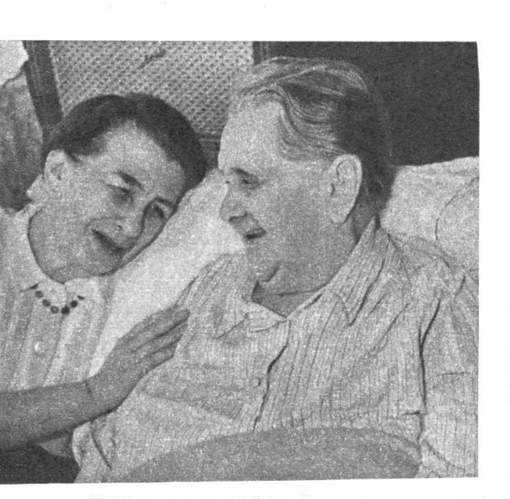
15 апреля [1919]
Киев Председателю Совнаркома Украины
Копия Наркомвоен Украины

Ввиду новой постановки курортного дела в Республике и в интересах предоставления курортов для лечения и отдыха инвалидам войны и труда, изнуренным красноармейцам и истощенным рабочим севера необходимо принять срочные меры к охране южных курортов, отвоеванных Красной Армией.

Прошу немедленно дать распоряжение начальникам войсковых частей, оперирующих [на] юге России и Таврическом полуострове, принять самые строгие меры охраны от разрушения и расхищения лечебных приспособлений, построек, инвентаря, насаждений, материалов и запасов на курортах юга России и Крымского полуострова, Одессы, Голой Пристани, Бердянска, Мойнак, Саки, Евпатории, Севастополя, Балаклавы, Ялты, Алупки, Гурзуфа, Алушты, Феодосии, Керчи и других.

Предсовнаркома Ленин
Народный комиссар здравоохранения
Н. Семашко

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 73).



Мария Михайловна со своей дочерью Натальей Вениаминовной.

главе этого бюро и стояла Костеловская. Работа тяжкая, боевая, бессонная. Председателю бюро не раз приходилось бывать с докладами у председателя Совнаркома... И вот новое назначение — начальником политотдела 2-й армии на Восточный фронт. Для Костеловской это произошло вдруг. Она написала Ленину. Она спрашивала, как понимать это совершенно неожиданное для нее и такое ответственное назначение. И Ленин ответил: «Понимать так, как есть... Все **на наиболее трудное».**

А наиболее трудным был тогда Колчак, который при поддержке интервентов начал решительное наступление на Восточном фронте. Колчаковцам удалось потеснить кое-где наши армии, в частности 2-ю армию, действовавшую на левом, северном фланге фронта. Вот сюда, в эту отступавшую с боями армию, и прибыла начальником политотдела Мария Михайловна Костеловская...

...Мария Михайловна живет в Москве. Ей 82 года, она больна. Говорить ей трудно. А память хорошая, ясная. Матери помогает дочь, Наталья Вениаминовна, тоже пенсионерка, одна из старейших московских комсомолок, член партии с 1922 года. Она показывает старые военные карты, фотографии. Вот на одной в полном составе работники политотдела 2-й армии вместе со своим начальником: у нее молодое, но с суровинкой лицо, одета в светлую блузку с черным галстуком — не по-военному... Мария Михайловна вглядывается в снимок, узнает товарищей, глаза ее загораются, и видно, как еще много осталось в них от былого огня. Долго-долго всматривается бывший начпоарм в лица своих боевых товарищей.

Армия прошла дорогами отступления в Прикамье. А потом наступала там же! Брали Чистополь, Елабугу, Сарапул. Шли болотами, через горящий торф, обжигавший ноги, душивший смрадом... Преодолевали Уральский хребет, пробирались сквозь леса... Ворвались в Кунгур, и это было большой победой, с которой поздравил их Владимир Ильич.

До глубокой старости Мария Михайловна Костеловская остается активным бойцом партии. В тридцатых годах — начальник политотдела МТС, секретарь сельского райкома партии, снова борьба за хлеб. В военную пору тоже партийная работа в тылу, ковавшем оружие для фронта. И последние десять лет — в Министерстве сельского хозяйства, работа, отмеченная двумя большими золотыми медалями ВСХВ. Только в 79 лет покинула Мария Михайловна трудовой пост. Болезнь многого лишила ее, но жива мысль, память, жив интерес к жизни. Она следит за литературой, за газетами. Как приятно было узнать, что в Ленинском сборнике напечатана записка Ильича к ней...

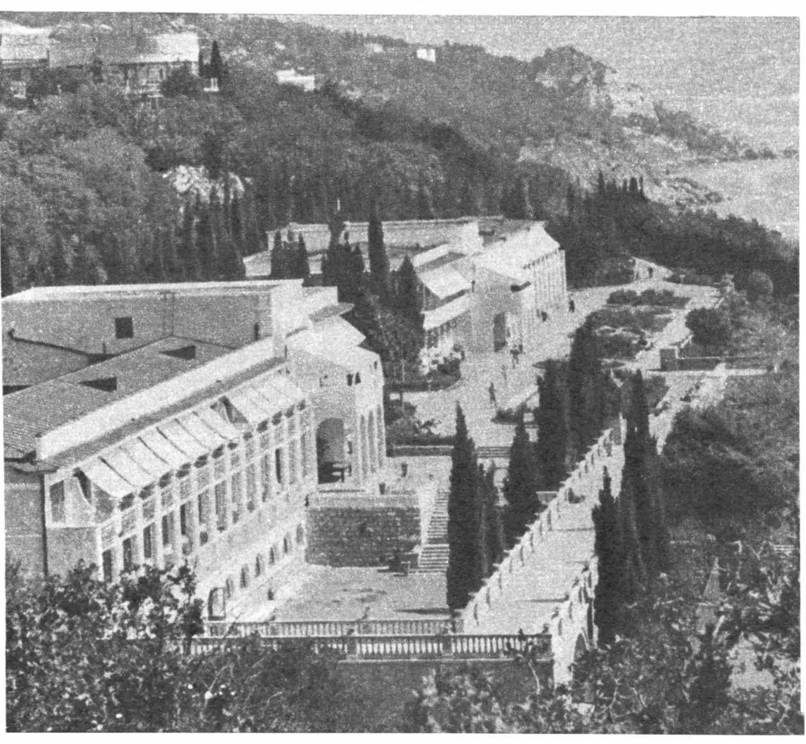
Начальник Управления курортов Южного берега Крыма Е. Краковский рассказал нашему корреспонденту:

Все курортное хозяйство в Ялте, Алупке, Гурзуфе, Алуште и других местах, о которых писал в телеграмме Владимир Ильич, было сохранено. Уже в 1921 году в дачах, особняках и бывших царских дворцах отдыхало и лечилось около восьми тысяч рабочих, крестьян, красноармейцев, инвалидов гражданской войны. Со временем санатории и дома отдыха были значительно расширены. На Южном побережье выросли новые здравницы. Широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом такие первоклассные санатории, как «Россия», «Украина», «Курпаты», «Долоссы», дом отдыха «Колхозник» в Алуште.

Только за последние два года на развитие курортов Южного берега Крыма, где одновременно могут отдыхать и лечиться 25 400 человек, израсходовано 172 миллиона рублей.

В прошлом сезоне в Крыму побывали зарубежные друзья из сорока пяти стран. Пятьсот миллионов рублей отпускает Советское государство на расширение крымских курортов в семилетке. На Южном берегу Крыма будут выстроены новые санатории и дома отдыха, возникнут курортные городки, туристские базы.

На Южном берегу Крыма.



МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА СТРАНИЦАХ 9—16, ПОДГОТОВИЛИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА»:
И. ВЕРШИНИНА, А. ГОЛИКОВ, Я. МИЛЕЦКИЙ, Н. ПЕТРОВ, ДМ. ПРИКОРДОННЫЙ, В. РУДИМ, А. СТАРКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ.



Н. Н. Жуков. УЧЕНИЦА БАЛЕТА. 1957.

ДОБРОЕ ИСКУССТВО

В каждом жанре есть нечто роднящее его с «соседствующим» жанром другого искусства.

Портрет в рассказе, новелле, повести порою обретает лаконичную графическую точность или скульптурную объемность, богатство колорита, разнообразие оттенков, заставляющие сравнить его с живописью.

Но бывает так, что и рисунок художника хочется назвать рассказом: столько вложено в него содержания, так много рассказывает он о человеке, его характере, его судьбе, его профессии, его отношении к людям.

Я говорю, конечно, не только о «жанровой» живописи, которая раскрывает целые события в человеческой жизни, передает внутреннее содержание этой жизни, рассказывает о дружбе или любви, о ссорах или радостях, о том, что сближает изображенных на картине людей или разобщает их.

Самый небольшой рисунок может многое поведать нам о человеке. Он не только расскажет нам, что представляет собою этот человек. Порою мы можем очень точно почувствовать жизнь, которую прожил человек до встречи с художником... Выражение глаз, осанка, «характер» человеческих рук, много поработавших, крепких, точно корень, или тонких, чутких, с нервными, осторожными пальцами,— разве они не рассказывают нам, добр этот человек или эгоистичен, любит людей или равнодушен к чужой беде, чужой заботе, кто он по профессии: рабочий, музыкант, ученый?..

АЛЕША. 1957.



МАТРОС БАЛТИКИ. 1959.

Когда я смотрела на рисунки, сделанные художником Н. Жуковым, я видела: это рассказы о людях.



Партизан.

Люди, изображенные художником, очень различны.

Жуков любит рисовать детей. Это не случайные для него рисунки, а большая область творчества, постоянно привлекающая его как мастера. Детская тема — это, если можно сказать, тот оселок, на котором художник постоянно точит свое мастерство. Непоседливость ребят, стремительные переходы настроения, смена чувств на детском лице, такая же быстрая, неожиданная и нежная, как движение воды в ручье или тень листвы, колеблемой ветром,— все это развивает у художника особо острую наблюдательность, бережливое и любовное внимание к своей натуре.

Но Жуков никогда не «приспосабливается» к детям, не старается разговаривать с ними на том условном, «сюсюкающем» языке, который взрослые, порою забыв собственное детство, считают единственно возможным способом общения с малышами. Для него дети — всегда люди, «люди в коротких штанишках». Жуков относится к их внутреннему миру не только с бесконечным интересом, но и с уважением. Оттуда, вероятно, и берет начало подкупающая доверительность, с какой ребята открывают перед художником свой мир, из которого тот черпает множество добрых и увлекательных наблюдений.

Человечность искусства, внимательность к деталям, умение раскрыть в художественном образе не только черты характера, но и черты биографии, жизненного пути всего более полно и сильно сказались в работе художника над образом Ленина.

Эту серию мне тоже хочется назвать «Рассказы о Ленине».

Работа над образом Ленина для Н. Жукова — главное дело его жизни. Это работа, которой он занят всегда, даже тогда, когда делает набросок пейзажа или рисует своего маленького сына. Ибо у каждого настоящего человека искусства главная тема его жизни находит выражение не только в рисунке, или скульптуре, или рассказе, непосредственно связанном с нею, но в его раздумьях, в его сомнениях, в его сердце...

Эта тема живет в художнике всегда, на нее «работают» и его внешние наблюдения и то, что он переживает сам,— его личные беды и радости, его волнения.

Обстоятельства жизни Н. Жукова сложились так, что он никогда не видел Ленина, что называется, своими глазами. Таким образом, все, что связано со сходством, все внешние подробности образа художник мог получить только из материала фотографий, кино, сделанных с натуры портретов.

Но документ всегда был для него лишь постоянным справочни-





МАНАНА АНДРОНИКОВА. 1958.



Сестра с братом.

ком, но не единственным мерилом истины. Его рисунки не подчиняются указующему персту фотографии, они никогда не бывают в прямом смысле «фотографичны», что случается, когда художник как бы «переводит» фотографию на язык своего искусства.

Образ Ленина художник искал и находил не только в изобразительном материале, но и в книгах современников, в рассказах близких Владимиру Ильичу людей, в воспоминаниях его родных. Великая ленинская простота, его поразительная внимательность к людям, цельность его натуры, его кристальная нравственная чистота — все то, что находило тысячи примеров в повседневной жизни Владимира Ильича, бережно собирал художник, копил в своей памяти и в своих тетрадях. Вот удачно поймана зарисовка характерного ленинского жеста, черточка рта, прищур глаз... Нескончаемая работа легла в основу решаемой художником темы — образ Ленина. И многие рисунки из этой серии воспринимаются как правдивый и задушевный рассказ о великом человеке, проникнутый огромной любовью художника к дорогим всем нам ленинским чертам.

Работы, представленные Н. Жуковым на его юбилейной выставке, были очень разнообразны. Мы могли здесь снова увидеть серию иллюстраций к «Повести о настоящем человеке» — одну из лучших работ художника. Мы познакомились здесь с живыми и выразительными портретами, увидели лукавые зарисовки, сделанные «из-за угла», когда художник, оставаясь незамеченным, наблюдательно, а порою и с юмором подсматривает острые черточки и характерные детали своей натуры.

Вновь и вновь видишь, что рассказы художника о людях — это добрые рассказы, проникнутые теплотой, мягкостью и задушевностью. Это рассказы о силе материнской любви, о чистоте детства, о поэтичности природы... Это рассказы о большом и прекрасном сердце Ленина, большого и дорогого нам Человека. Это рассказы о том, что пережито нашими людьми, и о том, что является основой их жизни, — об их творческом труде.

И все они согреты неизменной любовью художника к людям, к нашей жизни.

Татьяна ТЭСС

Дедушка с внучкой.





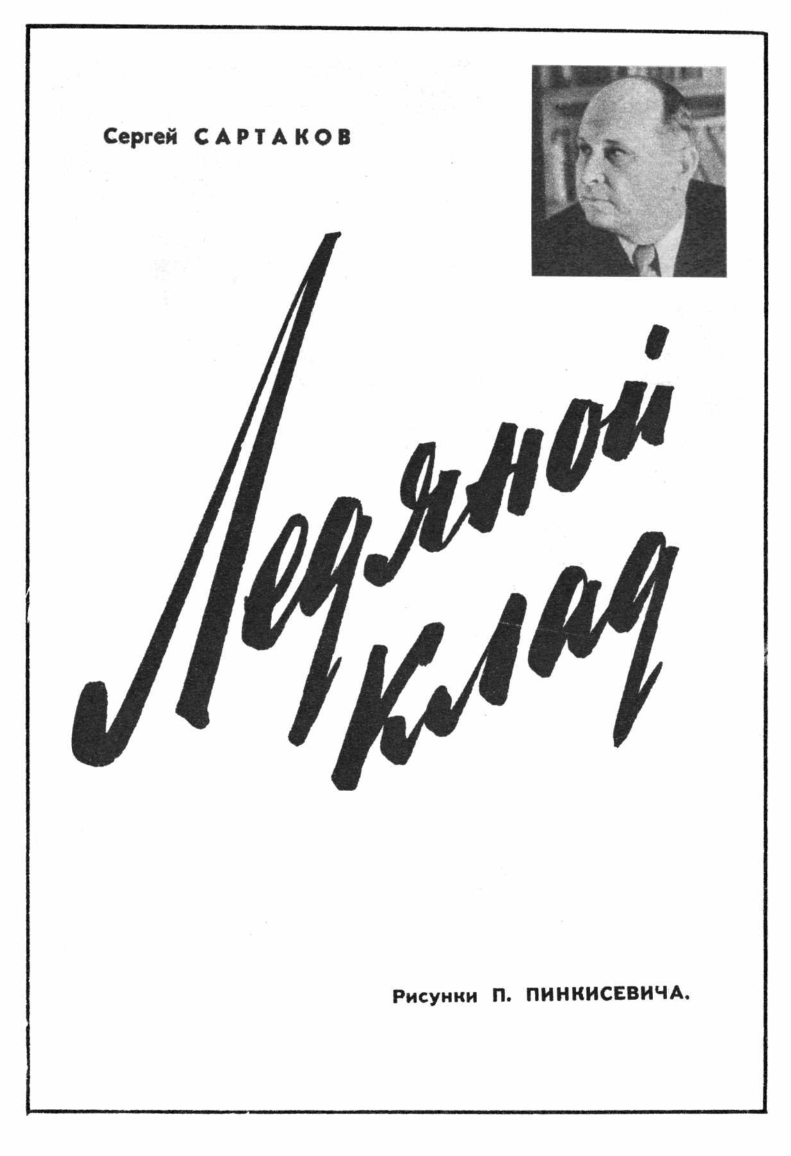
МАРИНА. 1957.

СОЛНЕЧНОЕ УТРО. 1947.

«Любовь» — роман о молодежи, едущей по зову Родины, по велению своего сердца туда, где труднее, где люди нужнее всего, о молодежи, настойчивой и упорной в борьбе.

Сибирь, тайга сибирская — здесь есть где развернуться молодому человеку, вступающему в большую жизнь. Николай Цагеридзе — один из таких героев романа. Мир для него ясен и чист. Судьба Марии Баженовой сложилась иначе. Тяжкую обиду от человека, которого она любила и женой которого была, пришлось перенести Марии. Семья и первая любовь осмеяны, разрушены. Постыло оставаться там, где это случилось, и Мария, оскорбленная, брошенная вероломно, с больной матерью своего бывшего мужа уезжает на Читаутский рейд. Новые друзья, интересная работа, сознание того, что ты полезен, нужен Родине. А время сгладит горечь тяжелой человеческой обиды. Снова придет и любовь...

Ниже печатается глава из романа.



1

Скучно и однообразно верещали полозья саней.

Обочь дороги, узкой, в один след, похожей на глубокую канаву, прокопанную среди сугробов снега, стояли раскидистые вековые сосны. Их вершины смыкались над дорогой вплотную. Деревья расступались только изредка, и тогда в просветах, далекие и холодные, видны были частые зимние звезды. В одном месте небо словно чуть-чуть желтилось: это готовилась подняться луна.

Дорога становилась все хуже и хуже. Усталая, густо заиндевевшая лошадь оступалась, проваливалась в скользкий, сыпучий снег. Павлик, кучер, мальчишка лет четырнадцати, в огромной шарообразной шапке, сшитой неведомо из какого меха, озорно покрикивал на лошадь, стегал ее хворостиной, дергал за вожжи, но без пользы: иначе как шагом здесь ехать все равно было нельзя.

А мороз крепчал, набирал лютую силу. Колючий, сухой, он перехватывал дыхание, склеивал ресницы, заставлял прятать лицо. Плохо спасала даже новая собачья доха. Зарывшись, насколько это было можно, в солому, наброcанную на дно просторной кошевы, Цагеридзе пытался задремать. Он потерял счет времени. Казалось, что этому темному лесу, забитому сугробами сыпучего снега, никогда не будет конца, хотя Цагеридзе и знал, что от посадочной площадки для самолета у села Погорюя весь путь до Читаутского рейда имеет мереных только лишь двадцать три километра.

Цагеридзе с завистью наблюдал, как Павлик, озябнув, соскакивал со своего сиденья и, припрыгивая и притопывая, шел за кошевой. Согревшись, Павлик падал на солому, охал, ухал, заливисто свистел и снова брался за хворостину. Холод постепенно пронизывал Цагеридзе насквозь, но вылезти из кошевы и пробежаться, как это делал Павлик, он не мог. Вместо левой ноги у него был протез, новый, непривычный, и ковылять на костылях по рыхлому снегу Цагеридзе не решался.

Так они ехали еще очень долго, и мороз становился все злее и злее, лес — гуще, а сугробы снега — выше.

Но вот дорога повернула круто вправо и пошла под уклон. Потянуло особенно острым холодом. Еще немного — и впереди забелела широкая открытая полоса.

— Читаут! — выкрикнул Павлик.

Он бросил вожжи, захлопал, застучал отвердевшими на морозе кожаными рукавицами и засвистел в особенности озорно и весело.

— Сколько осталось? — вяло спросил Цагеридзе, и оттого, что он заговорил, сразу колючая дрожь проползла у него по спине. Ах, как хорошо бы теперь выпить стакан горячего чая! А еще лучше — виноградного вина. Такого, какое умеют делать, наверное, только в Сачхери.

— До рейда сколько? — отозвался Павлик.— От устья Ингута пятнадцать километров считают. Ну, отсюда километров девять, однако не больше.— И добавил: — Ежели по воде, летом. А сейчас по торосам крутиться — всех двенадцать выйдет. Эвон чего нынче нагородило!

Над рекой стлался густой, серый туман. Вдоль берега топились наледи. Конь захрапел, когда под копытами у него захлюпала вода. Припадая на задние ноги, он трусливо перемахнул через дымящийся разлив наледи. Дорога теперь вилась между торосами, хотя и завеянными снегом, но все же дико острыми и угловатыми. Местами льдины сдвигались сплошным высоким валом. Тогда дорога вздыбливалась, глубоким желобом всползала прямо и круто на гребень и так же круто падала вниз. Кошеву все время швыряло с боку на бок. Чтобы не выпасть, Цагеридзе еще глубже зарылся в солому, привалился плотнее к оплетенному бечевой задку.

Под полозьями заливисто журчал снег, звенели разбитые подковами коня мелкие льдинки, возле щеки шелестела душистая ржаная солома. И Цагеридзе бросило в сторожкую дрему.

Павлик завел песню, сложенную, должно быть, кем-то из местных жителей:

Стучат топоры, пилы поют,
В глубоком распадке бежит Читаут.
Падают сосны, вершины шумят.
— Эх, хорошо! — лесорубы говорят.
Жгутся морозы, вьется пурга.
Разве напугают лесорубов снега?..

Цагеридзе хотел сказать Павлику, что песня ему нравится, только вот неладно «жгутся морозы», но, чтобы Павлик услышал, нужно было откинуть воротник дохи и выставить лицо на мороз. Сделать это Цагеридзе не хватило решимости, он подумал: «Скажу потом». И стал подыскивать, подбирать взамен более удачную строчку. Напрашивались все какие-то длинные, многосложные слова и ломали размер. Цагеридзе стало смешно: не так-то просто, оказывается, сочинять стихи. Заметить изъян в чужих легче. Ну, да не может быть, чтобы не нашлось точного и по смыслу и по размеру слова! Найдется. Обязательно найдется. Только поискать хорошенько. «Жгутся морозы... жгутся морозы...» Может быть, так: «Жгут лицо морозы»? Нет, опять лишний слог.

А Павлик поет и поет. Вообще держит себя чересчур независимо, даже чуточку дерзко. Ни о чем не расспрашивает, от разговора уклоняется, будто везет в кошеве не начальство, а куль с овсом.

Вот, кажется, и еще проскочило какое-то неправильное слово у него в песне. Не сразу только сообразишь, в чем именно неправильность. А есть она. Но в чем же, в чем? Никак не разберешься. И вообще не разберешься, катятся сейчас сани вперед или назад. И что это шебаршит: снег под полозьями или ветер начинается?..

...Жгутся морозы, вьется пурга...

Удивительный день сегодня — резких контрастов и превращений. Утром Цагеридзе нежился в мягкой, теплой постели, теперь от лютого холода он корчится в соломе на дне кошевы. Начал он день обычной, неторопливой прогулкой по светлым городским улицам к двухэтажному зданию треста — кончает в тайге, среди торосов, дымящихся наледей, под темной стеной леса, чуть озаренного всходящей луной.

Без пяти одиннадцать утра в тресте он был рядовым сотрудником отдела сплава, инженером, которому Читаутский рейд представлялся лишь высокой колонкой цифр в общей сводной ведомости. Ровно в одиннадцать Цагеридзе стал начальником этого рейда. А сейчас он уже исполняет свои прямые обязанности, едет как начальник на лошади, принадлежащей Читаутскому рейду, и Павлик — первый встретивший его подчиненный. На маленьком таратористом «ПО-2» двести восемьдесят километров по прямой от Красноярска до Погорюя Цагеридзе пролетел за три часа, три часа просидел в Погорюе, ожидая подводу, и теперь едет тоже, наверно, три часа, а впереди еще целых двенадцать километров! У-ух!..

А в общем, все это занимательно и весело. Если бы только зверски не прожигал мороз! В Красноярске он не был так заметен. Пилот, когда приземлились они в Погорюе, сказал: «Черт, ну, не думал я, что так быстро опустится экий холодище, не полетел бы сегодня! Хотя тут, на Ангаре, это часто случается: с утра благодать, каких-нибудь тридцать градусов, а к вечеру уже все пятьдесят». Благодать — тридцать градусов... Бр-ррр! Неужели сейчас только лишь всего пятьдесят, а не больше? Как это у Павлика не смерзаются губы?

...Жгутся морозы, вьется пурга...

Цагеридзе переборол оцепенение, вялость:

— Павлик, это ты сам сочинил?

— Ну!

— А кто же?

— Фенька.

— Какая Фенька?



— Да так... илимщица одна. У нее отец — тоже чудак.

— Почему «тоже»? И почему «чудак»?

— Ну, дык! Звали его в Погорюй, начальником почты. Не пошел. Сидит один в тайге, на метеопункте, погоду записывает.

— Это тоже неплохо.

— Дык в Погорюе-то все-таки люди! Много людей. Село не тайга. И должность — начальник почты.

— Понятно. Ну, а Фенька чем же чудачка?

— Чем? Да я бы на ее месте...

Павлик спрыгнул в снег и побежал, припрыгивая и размашисто хлопая себя по бедрам кожаными, залубеневшими рукавицами. Все это, вместе взятое, по-видимому, означало, что его взгляды на жизнь в корне расходятся с Фенькиными, а доказывать несостоятельность Фенькиных взглядов просто ниже его достоинства. Даже слов не стоит тратить на это. Тем более тоже для какого-то чудака: на костылях едет в тайгу работать! Да здесь ноги-то больше, чем голова, нужны. Вот и лежит все время в соломе, как мешок с овсом...

Кошева по-прежнему ныряла в ухабах среди торосов, и так же скучно верещал под полозьями снег. Цагеридзе вовсе сжался в комок; ему казалось, что живого во всем его теле уже ничего не осталось. Разве, может быть, только сердце и самую чуточку мозг. Он попробовал заставить себя сосчитать до десяти тысяч (по его соображениям, этого как раз хватило бы до самого рейда), но на четвертой тысяче сбился и стал шепотом повторять: «Жгутся морозы, вьется пурга...» Для этого не требовалось никакого усилия мысли.

Наконец дорога пошла глаже, вероятно, выбралась с реки снова в бор и соединилась теперь с накатанной, лесовозной — Цагеридзе понял это по изменившемуся шороху полозьев,— и лошадь, кажется, за все время впервые, даже без хворостины Павлика, затрусила какой-то дергающейся рысцой. Потом опять побрела вялым шагом. И опять побежала, звучно пощелкивая подковами. А Павлик заухал, засвистел. Приедут ли они когда-нибудь на этот самый рейд?

И вдруг, но еще нескоро, неумолчное верещание полозьев, ставшее таким привычным для слуха, оборвалось. Неужели доехали? Цагеридзе приподнялся. Куда девалась серая морозная муть? Над лесом круглилась желтая луна, чеканя повсюду резкие, угловатые тени. Вправо и влево тянулась улица с домами, поставленными вдоль нее как попало. Лошадь, вся совершенно белая от инея, приткнувшись мордой к невысокой штакетной ограде, тихо переступала задними ногами. В глубине двора виднелось большое новое строение. С крыши кривыми языками свисали тяжелые снежные сугробы. Сквозь льдистые наплывы матово светились окна. В других домах поселка было глухо и темно. Где-то далеко, подвывая, залаяла собака. Брехнула несколько раз и замолчала.

— Это что? — спросил Цагеридзе, с трудом шевеля губами.

— Как что? Рейд. Контора. И красный уголок тут же,— с оттенком нарочитой небрежности ответил Павлик.— А чего, в другое место вас везти, что ли? Бухгалтер Василий Петрович не сказал мне, куда. Говорите, тогда отвезу.

— Нет, хватит с меня и этого,— сказал Цагеридзе и дрожащими в ознобе руками стал выдергивать из кошевы костыли.— Все! Конец! А ты езжай себе, куда надо. Свет здесь горит, значит, есть люди.

Он проковылял по узкой хрустящей тропинке к конторе, путаясь в длинной дохе, взобрался на крыльцо и долго шарил в темных сенях по стене, отыскивая вход. Кто-то, услышав шорох, толкнул дверь ему навстречу. Цагеридзе вошел в блаженное, пахнущее кисловатым табачным дымом тепло.

Это был, по-видимому, красный уголок, в котором шло общее собрание. Народу битком, все скамейки заняты. Вдоль грубо обтесанных стен стояли люди. Похоже, собрание уже кончилось. За столом президиума молодая черноволосая женщина со спущенным на плечи вязаным платком зачитывала проект резолюции. Никто не обратил внимания на Цагеридзе. Женщина опустила листок бумаги на стол, слегка прихлопнула его ладонью, спросила: «Кто за?» Дружно взметнулись руки. «Против?» Нет никого. Женщина улыбнулась: «Принято единогласно». И Цагеридзе заметил, что у нее редкие, но очень красивые зубы, с каким-то влажным блеском, а улыбка гаснет очень медленно.

Он прислонил костыли к стене и, как был в дохе, протискался к столу. Теперь к нему повернулись все головы.

— Извиняюсь,— сказал он,— кажется, я вам помешал. Но я новый начальник рейда. Меня зовут Цагеридзе. Николай Цагеридзе.

— Ах, вот как! — ответила женщина, и ласковым, влажным блеском теперь наполнились ее глаза.— А я Баженова. Мария. Председатель месткома. Очень хорошо, что вы наконец приехали. А мы тут сегодня профсоюзные дела решали. Насчет дисциплины и прочего.

— Но почему же так поздно? — спросил Цагеридзе.— Наверно, вот-вот наступит утро.

Все дружно расхохотались. Баженова, тоже смеясь и словно бы насильно заставляя Цагеридзе обратить внимание на ее красивые зубы, заглянула ему прямо в лицо.

— Утро? — Она простодушно потеребила меховой рукав дохи Цагеридзе, потом коротким движением оттолкнулась.— Да что вы! Двенадцати еще нет. Это вам так в дороге показалось. А люди за день-то вроде вас намерзлись, намаялись. Вы что-нибудь скажете?

Цагеридзе обвел глазами помещение. Две лампы, стоявшие на столе президиума, давали мало света, в них выгорел, должно быть, уже весь керосин. Дальние углы комнаты терялись в полутьме. Но и при таком освещении Цагеридзе разобрал, что большинство присутствующих — молодежь, а в задних рядах сидят главным образом женщины. И еще он понял: люди сидят и разгадывают загадку: интересно, что за новый начальник?

Цагеридзе повел плечами, закинул руки назад, и доха свалилась на пол, к ногам.

— Что мне сказать? Что тут скажешь? Я замерз,— негромко начал он.— Я грузин, и хотя как будто бы уже привык к сибирским морозам, но все равно я очень замерз. Одна нога у меня настоящая, другая деревянная, но которая именно из них сейчас деревянная, которая живая, я никак не могу понять. Баженова говорит: «Хорошо, что вы приехали». Конечно, это очень хорошо. Для моего здоровья, во всяком случае. Что было бы со мной, если бы я все еще ехал по этому страшному морозу? (В дальнем углу зажурчал приглушенный девичий смешок.) Какой я окажусь начальник, я не знаю. Дело в том, что сейчас мне двадцать девять лет, а когда было семнадцать, я добровольцем ушел на фронт. И не закончил десятилетнюю школу. Но войну я тоже не закончил: под самым Берлином вражеский танк раздавил мне ногу. Ее четыре раза отрезали по кусочку все выше, и я боялся, что так постепенно дойдут до самой шеи. Из-за этой ноги я пролежал в госпитале восемь с половиной лет, и на меня израсходовали два ведра пенициллина. Но зато я закончил десятилетку и даже лесотехнический институт. Заочником, конечно. Почему именно лесотехнический? Без ноги? Ну, не могу же я вам все рассказывать!

Опять прожурчал тихий смешок. Цагеридзе переждал, когда он затихнет.

— Скажу только: лечился я в Красноярске. И я полюбил Сибирь. Хорошие люди сибиряки. Хорошие друзья. Я мог бы теперь вернуться на родину, поехать в Сачхери, в Грузию, есть виноград. Но я не поехал туда, я прилетел в Погорюй, а совершенно усталая лошадка привезла меня на Читаутский рейд. Здесь тоже кому-то нужно работать. И здесь работать труднее, чем в солнечной Грузии. Мне будет очень трудно работать: я инженер молодой, без всякого опыта; и я очень горячий, а потому очень боюсь мороза. На войне я научился довольно прилично разрушать немецкие укрепления, взрывать мосты, портить врагу дороги отступления, бегства, а вот как теперь нам спасти свой лес, я еще и сам не знаю. Я прошу вас мне помогать своими советами.— Он остановился, поглядывая в дальний угол. Но там царила тишина. И Цагеридзе заговорил снова: — По отчетам здесь, в запани, осталось зимовать двадцать восемь тысяч кубометров прекрасного леса, примерно

на восемьсот сорок тысяч рублей. К этому прибавьте еще наплавные сооружения. Словом, во льду оказался целый миллион. Моя бабушка всю жизнь искала клад, копала лопатой землю под старыми стенами. Ей очень хотелось иметь миллион. Бабушка в земле клад не нашла, она не знала, что клады встречаются и во льду. Такой клад достался ее внуку, Николаю Цагеридзе. Мне очень хочется получить этот замерзший миллион. И я думаю, вместе с вами мы его получим. Вот что я хотел сказать. Больше я говорить не хочу. Хочу работать. И еще я хочу стакан водки и теплую постель. Мне надо наконец согреться. Все. Вопросы будут?

В дальнем углу женщины теперь снова шептались, сдержанно пересмеивались. Мужчины впереди сидели чинно и одобрительно поглядывали на Цагеридзе.

Наконец там, в дальнем углу, кто-то не выдержал:

— Водки нет, всю старый начальник выпил. Надо было с собой бочонок привезти.

И совсем уже озорно спросил бойкий девичий голос:

— Жениться скоро будете?

Баженова сердито стукнула косточками согнутых пальцев по столу, повертела головой.

— Ой, Женька, ну и язык у тебя! — Наклонилась к Цагеридзе: — Вы не сердитесь.

— Ничего, я отвечу,— спокойно сказал Цагеридзе.— Я мужчина, не это слыхал и сам говорил, бывало. Конечно, очень жаль, что прежний начальник всю водку выпил, мне ведь нужно совсем немного, только отогреться — один стакан. Зачем же везти целый бочонок? Я ведь не собираюсь каждый день промерзать до такой степени. Насчет женитьбы: на Женьке жениться не буду. А вообще женюсь обязательно...

Ему не дали закончить. Парни и мужики повскакивали с мест, захлопали в ладоши:

— Пра-вильно!..

— Вот это дает жизни!..

Женька из угла закричала:

— А я бы и сама не пошла!..

— Тогда мне вовсе бояться нечего,— поставил точку Цагеридзе.

Грянул общий смех. Одобрительно переговариваясь между собой, люди начали расходиться. Девчата шли и все оглядывались, прыскали себе в кулаки.

Баженова, собирая свои бумаги, задержалась. У нее в глазах тоже прыгали влажные огоньки. Цагеридзе поднял с пола доху, бросил на спинку стула, сам уселся на другой, пустой стул.

— Вы уже устроились с жильем, товарищ Цагеридзе? — спросила Баженова, ловкими движениями пальцев завязывая на папке тесемки двойным бантиком.

— Устроился? — повторил Цагеридзе.— Да. Кажется, я пока устроился. Здесь. По теории, в поселке должен быть комендант. По той же теории, он отводит приехавшим людям жилье. Мне никто ничего не отвел. Значит, здесь или нет коменданта, или нет жилья. Неважно. Наступит день, и я разберусь.

— Да, тут у нас действительно междуцарствие,— виновато сказала Баженова.— Получается, что вас даже, как начальника, не встретили. И почему-то на собрание не пришли ни комендант, ни Василий Петрович. Все-таки это время он у нас был вроде за старшего.— И вдруг оживилась: — А может, он думает, что вы заедете прямо к нему на квартиру? Там и ждет. С комендантом.

— А-а! Другое дело. И, как говорится, прямо с ключами от моей квартиры?

— Ну, что вы! Где же... хотя... не знаю... Нет!.. Разве только успели кого-нибудь из семейных переселить? — Она все время колебалась, не зная, к какой склониться мысли.— Переселить... Так все равно вроде бы некуда, с жильем-то у нас пока шибко тесно. Знаете, поселок по плану еще не отстроился. Ну, да вы, понятно, себе найдете. Лопатин, прежний-то наш начальник, своей квартиры совсем не имел, жил у одиноких женщин. В разных местах жил... Вот и ходят про него такие разговоры. Были, понятно, и факты. Поэтому и Женька сказала...— Баженова собрала все окончательно, надвинула платок на голову, зажала его концы подбородком и стала натягивать на плечи стеганое пальто.— Если бы не это, я вас хоть к себе пока пригласила бы, что ли. Ночь же. А идти ко мне ближе, чем к Василию Петровичу. Тот в самом дальнем конце отсюда живет. Как же вы на костылях? Но, как хотите, я могу вас отвести и туда.

Цагеридзе пожал плечами:

— Не понимаю: к себе вы приглашаете или не приглашаете?

— Почему же? Пригласила бы...

— Ага! Сообразил. Боитесь, про вас тоже пойдут разговоры.

— Ну, мне-то что! — с какой-то отчаянностью усмехнулась Баженова, и на этот раз Цагеридзе особенно близко увидел ее редкие, очень красивые зубы.— Мне это не страшно. Я ведь не одинокая. Не то одну ночь, хоть и больше, живите. Про вас говорить станут.

— А почему про меня?

— Да так...

— Тогда пойдемте к вам. Люблю, когда про меня говорят!

Домик Баженовой, между прочим, оказался тоже не очень-то близким к конторе. Во всяком случае, так представилось Цагеридзе. Они долго брели по звонкой, прикатанной дороге вдоль кривой улицы, потом свернули в какой-то закоулок, на узенькую, рыхлую тропинку шириной всего в один след, и Цагеридзе никак не мог к ней приспособиться на своих костылях: все время оступался, кряхтел от боли, когда особенно неловко подкашивался протез. Баженова шла впереди, не останавливаясь и не оглядываясь на Цагеридзе, но хорошо применяясь к его шагу, должно быть, по слуху.

— Осторожнее, здесь под снегом пеньки,— иногда через плечо бросала она.

А больше молчала. И Цагеридзе был этому рад. Не до разговоров. Скорее бы в домашнее тепло, выпить стакан горячего чая — водки, конечно, нет у Баженовой — и уснуть. Порой Цагеридзе казалось, что он спит уже на ходу.

Он как-то не приметил и не запомнил последнюю часть пути: каким образом рыхлая тропинка привела их во двор, как выглядел снаружи домик Баженовой, было ли у него крыльцо и сени? Идти, ковылять на костылях больше не нужно — это счастливое ощущение явилось вдруг, когда Цагеридзе привалился спиной к стене в сладкой и томящей темноте жарко натопленного жилья. Пахло полынью и пихтой. Очень громко стучали ходики, повешенные, должно быть, на тонкой, дощатой переборке. Где-то слева, вверху, как бы под самым потолком, прерывисто, с придыханием и пришептыванием посапывал человек.

Баженова попросила Цагеридзе:

— Дайте спички.

— Не курю.

Она впотьмах отошла от него. Упало, загремело что-то железное: противень или самоварная труба. Под потолком испуганно бормотнул слабый старушечий голос:

— Ах ти, господи, господи! — И, чуточку погодя, более твердо: — Кто там? Вы, что ли, Марья Сергеевна?

— Я, мама. Где спички, не знаешь?

Небольшое молчание. Потом опять:

— Господи, господи! — уже с оттенком настоявшейся досады.— И вечно вы так: «Где, где?» Нет, не приметила я, куда вы их сунули.

— Мама, а ты без меня разве лампу не зажигала?

— Вру? Нужно мне было! Бродите по всей ночи!..

Баженова на это не отозвалась.

В темноте скрипнули шарниры. Похоже, что открыла она сундучок и стала в нем рыться на ощупь. Цагеридзе стоял у порога и думал: как это странно, что мать называет дочь на «вы» и даже по имени-отчеству, а та отзывается ей грубо, на «ты»! Бывает часто, на «вы» обращаются дети к родителям. Сам Цагеридзе говорил своей матери «вы». Это сыновняя почтительность, вежливость. Но как все это можно вывернуть наоборот? И почему? Родители непременно должны держать верх над детьми. Почему эта старушка так себя подчинила, в сердце все же, по-видимому, тая глухую обиду на дочь? Выходит, Баженова — человек деспотичный. Не такой с первого взгляда представилась она Цагеридзе. Впрочем, неспроста, должно быть, в народе говорят, что люди с редкими зубами всегда бывают неискренни и жестоки...

Блеснула зажженная спичка. Держа ее над головой, Баженова прошла к столу, повозилась с лампой, еще несколько раз чиркнув спичкой, и комната озарилась тусклым светом.

— Проходите,— пригласила Баженова и опять, как в конторе, когда она объясняла, что на рейде очень трудно с жильем, прибавила виноватым голосом: — С собранием прямо замоталась я сегодня, еще и помощница моя меня подвела. Вот и в доме у нас вовсе не прибрано. Даже, стыд какой, стекло у лампы не помыто... Дайте сюда вашу одежду.

Она помогла ему снять пальто, повесила на гвоздь под пеструю ситцевую занавеску, по-



вернулась — хотела взять с лавки у печи самовар, но Цагеридзе ее остановил.

— Прошу прощения, но я сразу хочу объяснить. Мне это очень не нравится, когда дочь так разговаривает со своей матерью,— сказал он негромко, чтобы не услыхала старушка.

Баженова застыла с расставленными руками, будто уже на весу держала самовар. Цагеридзе не видел ее лица, но даже в коротком, гордо-заносчивом и резком движении головой он прочел немой сердитый ответ: «А вам какое до этого дело?» Однако услышал он совсем другие слова:

— А мне это, думаете, нравится?

И сказаны были они с горечью и тоской, так, вскользь, торопливо, со сквозящим желанием не открыть лишнего, что было бы верхом грубости продолжить этот разговор. Цагеридзе молча пожал плечами, сел на табуретку, поближе к печке, и пока Баженова хлопотала с самоваром, стал оглядывать свое случайное жилище.

Собственно говоря, это была всего лишь одна комната, но печь в ней — добротная русская печь — близ стены стояла так, что в одном закоулке располагалось все кухонное хозяйство, а в другом, позади печи, получалась как бы спаленка. Цагеридзе видны были спинки близко поставленных одна к другой двух железных коек с натянутыми на них белыми чехлами. Ему подумалось: не нашлось ведь такого же уголка и для старухи-матери! Той место только на печи, на какой-нибудь ветхой дерюжке. А тут покои молодых. Вон как пышно наряжены постели! Интересно, каков он, этот второй обладатель мягкой постели? Цагеридзе уже заранее почувствовал к нему неприязнь. Не в нем ли причина разлада матери с дочерью? Он окинул взглядом комнату: не подскажут ли о характере хозяина что-нибудь другие предметы? Но, странно, ничего мужского Цагеридзе не обнаружил. Тогда особенно внимательно он поискал глазами над тумбочкой, втиснутой в простенок. Вот тут, по правилам, уж обязательно должен бы висеть «его» портрет или хотя бы маленькая фотокарточка. Однако на тумбочке стояли, как обычно у женщин, флакончики, коробочки, гипсовые фигурки, а к стене над тумбочкой были приколоты только цветные открытки, кружевные звездочки и вышитая красным по черному суконная игольница. Цагеридзе припомнилось, как приглашала его Баженова, с какими колебаниями, хотя и пыталась это скрыть. Понятно: она все же побаивалась, не стали бы действительно про нее говорить. А чего бы замужней бояться? Значит, ее слова «Я ведь не одинокая» относились вовсе не к мужу, а к матери. Стало быть, и вторая кровать принадлежит все же старушке, которая влезла на печь, только чтобы погреться.

От этой мысли стало немного свободнее на душе, смягчилось неприязненное чувство к Баженовой, возникшее у Цагеридзе при входе в дом, когда он сделался свидетелем ее странного разговора с матерью.

Он сам не знал, почему это так: там еще, в конторе, когда он едва переступил через порог, думая, как бы поскорее согреться, первое, что впечаталось ему в зрительную память, была улыбка Баженовой. Совсем мимолетная, она, однако, заслонила собой все остальное, как заслоняет взблеск ночной зарницы даже и то, что, казалось бы, она сама осветила. Это длится всего лишь мгновение, но долго еще потом перед глазами плывет светлое пятно. И когда позже Цагеридзе стоял уже за столом президиума, вглядывался в полутемный зрительный зал и перебрасывался колючими словечками с Женькой, все равно каким-то вторым планом, но неотступно и сосредоточенно Цагеридзе думал: «Очень красивые зубы у этой женщины». Цагеридзе не помышлял ничего дурного, но именно, может быть, потому, что его так сразу и безотчетно подчинила себе улыбка Баженовой, он захотел пойти к ней и на квартиру, чтобы увидеть там близко еще и еще ее дразняще-белые, редкие зубы. А дома у Баженовой, конечно, больше будет поводов к тому, чтобы улыбаться. Дом всегда есть дом, светлые радости которого ни с чем не сравнимы.

И вот все эти ожидания Цагеридзе как-то враз и жестоко опрокинулись. Он понял, внутренним чутьем угадал, что здесь свободно и задушевно смеются не часто, что между матерью и дочерью лежит какая-то тяжкая полоса взаимного непонимания и, может быть, даже глухой вражды, и если в доме нет никого постоянного третьего — а его, по-видимому, и нет,— то вряд ли ему, Цагеридзе, захочется пробыть на квартире Баженовой больше одной ночи. Пусть эта молодая женщина с красивыми зубами не тревожится, что люди будут о ком-то говорить: о нем ли, о ней ли. И вообще-то сейчас все это не главное. Скорее бы вскипел самовар, напиться горячего чая и лечь спать — вот что существеннее всего. Да если бы еще с печи на свою кровать сползла старушка,— занять ее место. Иначе, вероятно, придется спать на полу. А в углах избы, видно, сидят снежные зайцы.

Самовар вскипел удивительно быстро. И к этому же времени Баженова успела слазать в подполье, сходить в сени и расставить на кухонном столе закуску: миску с творогом, другую миску с квашеной капустой, третью — с солеными груздями. Наконец, принесла с мороза большую окостеневшую рыбину — Цагеридзе уже разбирался в сибирской рыбе: это таймень — и быстрыми, короткими движениями острым охотничьим ножом настрогала ворох стружек, совершенно похожих на древесные. Все это Баженова проделала молча, даже ни разу не взглянув на Цагеридзе. И трудно было понять: рассердилась она на него за непрошеное вмешательство или ей просто недосуг говорить, тем более, что и сам Цагеридзе не порывался это делать. Он сидел усталый, ему хотелось спать.

— Я собрала на этом столе потому, что здесь теплее. Подсаживайтесь, товарищ Цагеридзе,— позвала Баженова, и голос у нее был тот же, что и в конторе: мягкий, доброжелательный и словно бы чуточку виноватый.

Она стояла у бурлящего самовара, разливала в стаканы чай.

Цагеридзе поднялся, насильно стряхнул одолевавшую его дремоту.

— Очень хорошо, что вы сделали так,— сказал он,— это мне напоминает о доме. Моя бабушка тоже всегда кормила меня у кухонного очага. Но моя бабушка не называла меня товарищем Цагеридзе.

Баженова улыбнулась, открылись ее красивые зубы.

— У вашей бабушки для вас было много разных имен, а я знаю только одно — Николай. Этого мало, я вас так не могу называть: не хватает отчества.

— Грузины не называют друг друга по отчеству, но вы пока еще не грузинка,— он сделал шутливый нажим на слове «пока»,— и поэтому, если хотите, пусть будет для вас Цагеридзе Николаем Григорьевичем.

— А по документам?

— И по документам. У моего отца имя было Григол. Но вас по отчеству я все равно называть не стану. Позволите? Я буду говорить так, как говорят у нас. Просто: Мария. Зачем к этому что-нибудь еще прибавлять? — Цагеридзе принял из рук Баженовой стакан чая, отхлебнул и счастливо зажмурился.— Ах, хорошо! Даже только лишь ради этого и то стоило ехать сюда. Если же прибавить к этому горячему чаю еще тот миллион, который здесь заморожен во льду и который мы с вами изо льда обязательно должны вытащить,— нет, Николаю Цагеридзе удивительно везет в жизни! Ага! Мне нравится, что и вы улыбнулись, Мария.

Старуха на печи завозилась, вздохнула глубоко, без слов, но с явной досадой и осуждением. Цагеридзе что-то вдруг подтолкнуло, захотелось понять, наконец, проверить Баженову.

— Мне хочется, Мария, чтобы вы познако-



Исхак МАШБАШ

Третий вечер Орзамес-кузнец
Смотрит старую кинокартину.
Знает и начало и конец,
Наизусть запомнил середину.
Словно в кузню,
Входит Орзамес
В кинофильм, давно ему знакомый...

Отродясь не видел он чудес,
Целый век провековал близ дома.
Сроду не ковал он лошадей
Далее соседского селенья,
А киномеханик-чародей
Вводит в Петроград его осенний...
Полон нетерпенья Орзамес:
Этот кадр ему особо ценен.
Черт возьми,
Куда же он исчез,
Кадр, где говорит с бойцами Ленин!



Вырезали, может, сгоряча,
А механик даже не заметил!
Вот он, вот он:
Возле Ильича —
Молодой кавалерист в бешмете.
Как на Орзамеса он похож!
Разве только нос прямей немного...
Сзади крик:
— Смотреть нам не даешь,
Прямо извертелся весь, ей-богу!
На соседей Орзамес глядит,
Словно просит:
«Ну, друзья, заметьте,
Правда на меня похож джигит
В черной бурке, в ношеном бешмете!»
Но и задушевные друзья
Не признали сходства никакого.
И, обиду в сердце затая,
Хмурится кузнец белоголовый.

Орзамес, пускай они смеются
Над чудной фантазией твоей.
Ты ковал коней для революции,
Удалых буденновских коней,
Делал ты клинки из стали чистой,
Не жалея для победы сил.
Ты носил бешмет кавалериста
И звезду солдатскую носил.
Бескорыстно ты служил народу,
Слыл незаменимым кузнецом.
Значит, ты сражался за свободу,
Значит, с Ильичем ты был знаком!

Перевел с адыгейского
Д. ГОЛУБКОВ.

мили меня со своей матерью. И потом очень нехорошо, когда при старшем в доме без его приглашения и вообще без него самого младшие одни садятся за стол.

У Баженовой слегка дрогнули веки.

— Мама, иди с нами ужинать! — громко, но очень ровно и ласково позвала она.

С печи — сухой кашель, невнятное бормотание. Потом — наполненное глухой обидой:

— Ничего. Ешьте сами, Марья Сергеевна. Я и так полежу.

— А! Ну лежи! — с неожиданной и настоявшейся злобой вырвалось у Баженовой.

Цагеридзе опустил руку, которую он было занес, чтобы вилкой подцепить квашеной капусты. Баженова глядела куда-то вбок. Грудь ходила у нее ходуном.

— Ого! В таком случае я все-таки хочу, чтобы вы это мне объяснили,— наклонясь, сказал Цагеридзе.

Баженова нахмурилась, толкнула по столу к нему тарелку со строганиной.

— Кушайте! — резко проговорила она.— Когда растает, будет невкусно.

Цагеридзе стал есть строганину. Об этом любимом блюде сибиряков он слышал не раз, но пробовал его впервые. Не определишь сразу, вкусно это или невкусно. Приятно ломается на зубах, холодит язык, но, что там ни говори, все же сырая рыба. Если бы этого же тайменя да изжарить, было бы, конечно, вкуснее. Он отстранил тарелку со строганиной и принялся за соленые грузди.

— Хорошему начальнику полагается все знать о своих подчиненных, а я хочу быть хорошим начальником,— проговорил он мимоходом, так, что на эти слова можно бы и не отзываться.— Очень вкусные грузди. Просто замечательные грузди. Их, конечно, и собирала и солила сама хозяйка?

Он умышленно сделал сильное ударение на последней фразе. Но Баженова не воспользовалась этим.

— Когда я поступала сюда на работу, я заполняла личный листок,— тщательно подбирая каждое слово, ответила она,— в этом листке обо мне написано все. Слышите, Николай Григорьевич? Все! И я не знаю, лучше ли становятся начальники, если они хотят знать о своих подчиненных больше, чем это положено по работе. А грузди действительно собирала я. Но солила их мама.

Они встретились взглядами, и Цагеридзе уловил тот же оттенок тоски в глазах Баженовой, что почудился ему уже давно во всем ее поведении дома. Да, определенно: в конторе она была совсем иная.

— Главный врач нашего госпиталя всегда напоминал нам, что кушать следует молча. Это способствует хорошему пищеварению. Полезен смех за столом. Смеха у нас, по-видимому, не получится. Давайте тогда будем кушать молча, Мария.

Баженова повела плечами и усмехнулась, на этот раз не разжимая губ, и светлые, ласковые огоньки запрыгали у нее в глазах. Закончили ужин они действительно молча. Так же, не произнеся ни слова, Баженова встала из-за стола, ушла за печь, где стояли кровати, и взялась передвигать, выталкивать одну из них. Цагеридзе быстро поднялся.

— Ну нет, Мария, милая, с этим я не могу согласиться,— заговорил он, подходя и мешая Баженовой вытащить и развернуть кровать так, чтобы она оказалась вдалеке от первой.— Из-за меня в вашем доме ничего не должно быть нарушено. Я лягу спать на полу, вот тут, возле печки. Мне будет тепло. Не смотрите так страшно: на полу мне в жизни приходилось спать не меньше, чем на кровати.

— Николай Григорьевич! Но сегодня эта кровать так и так будет стоять пустая. Кроме вас, сегодня спать на ней...

Цагеридзе ее оборвал с неожиданной, пожалуй, даже и для него самого грубостью:

— Ладно! Хорошо, я лягу здесь, лягу там — в любом месте, где вы покажете! Мне надоело сегодня весь вечер спорить с вами! Делайте, как знаете! В этом доме вы железная хозяйка. Я дико устал, и, если мы будем еще торговаться, я усну, стоя на ногах.

Баженова молча делала свое дело. Упрямо поставила там, где ей хотелось, кровать, сняла с подушек обвязанные кружевами накидки, отвернула стеганое одеяло, стала менять простыни. Цагеридзе смягчился.

— Я плохо знаю, какие начальники бывают хорошие. И уж вовсе не знаю, какой начальник получится из меня. Может быть, и совсем не получится. Моя бабушка всегда мне говорила: «Нико, будь прежде всего хорошим человеком». Она много рассказывала мне, что это значит. Но я все равно тоже не знаю, как стать хорошим человеком. Когда только чуть скажешь об этом, тебе всякий сразу заметит: «Хороший человек не станет хвалиться, что он хочет быть хорошим. Он будет стремиться к этому, но будет скромно об этом молчать». Мария! Вот мы оба долго молчали. Вероятно, это было очень правильно и очень хорошо. Но что я должен делать с собой, если мне во всем нравится откровенность, ясность и простота? Если я не умею, совсем не могу жить с закрытой душой?

Он все это говорил спокойно, неторопливо, стремясь еще и мягкостью голоса сгладить нечаянно и неоправданно сорвавшуюся грубость. Он уже не искал у Баженовой ответного чувства взаимного доверия, он хотел только объяснить, что не дешевое любопытство толкало его задавать неприятные для нее вопросы, что просто он надеялся на искреннее и по-дружески открытое начало их знакомства. Ее дело, Баженова может остаться глухо замкнутой, но он, Цагеридзе, хочет, чтобы его понимали только одним, таким, каким он всегда и неизменно бывает. Он должен сказать это именно сейчас, потому что с завтрашнего дня по отношению к Баженовой он действительно станет начальником, и неизвестно, где и как тогда они будут встречаться и разговаривать — в этой квартире, бесспорно, больше одной ночи Цагеридзе не останется; так нужно, прежде чем заснуть, разъяснить все дочиста.

— Мне хотелось бы еще, Мария, чтобы вы это поняли как мои извинения перед вами. У вас сегодня была бы хорошая ночь, а я испортил ее...

Баженова уже успела сменить простыни, наволочку. Держа подушку в руках, она круто обернулась, подавляя готовую бурно прорваться речь, скорее коротким вздохом, чем словом, выговорила только: «Эх!» — наотмашь, куда попало, швырнула на кровать подушку, а сама пошла за печь, в кухонный закоулок.

— Ложитесь! — требовательно сказала она уже оттуда.— Я вам мешать не стану! Спокойной ночи!

Цагеридзе разделся, отстегнул протез и лег в прохладно пахнущую свежим бельем постель с неладным чувством: из-за него или сама Баженова или ее мать, несчастная старуха, проведут ночь без привычного удобства. Сильно поднывала застуженная в дороге и намятая трудной ходьбою культя. И все же какое это блаженство — вот так вытянуться вольготно на мягкой постели!

А на дворе мороз палит, должно быть, еще суровее, все время трещат в окнах стекла. Пусть! У Цагеридзе сладко закружилась голова, он словно опять закачался в кошеве на ухабах. Мимо прошла Баженова, почему-то двуликая. Одно лицо с ослепляюще красивой улыбкой и в то же время с оттенком грусти в глазах, а другое лицо — искривленное злобой: «Ну и лежи!» Возник рядом с ней Павлик. Гонит и гонит хворостиной совершенно уставшую лошаденку. Свистит, ухает, орет во все горло: «Жгутся морозы, вьется пурга...» Ну да, конечно, «разве напугают лесорубов снега?»

Боже, а какие все-таки здесь высоченные сосны! Стволы прямые, без сучьев, и только у самых макушек пышные кроны, все в блестках льдистого снега. Метель из огней! Сколько этих танцующих в воздухе льдинок насыпалось повсюду! Грудью пробивает себе дорогу в снегу измученная лошадка. Остановись она — и сразу, наверно, засыплет совсем и кошеву, и Павлика, и даже эти высоченные сосны... А где-то в этой сверкающей хороводной метели миллион, тот самый миллион из замороженных во льду бревен, ради которого и едет он, свернувшийся в клубочек на дне кошевы человек...

ДОРОГА САЛАНГ



На схеме прерывистой линией обозначена «Дорога Саланг». Почти на 200 километров сократит она прежний путь через перевал Шибар. На снимке слева — трасса будущей дороги.

А. БИРЮКОВ

Фото автора и Асефи.



Долго старый Гиндукуш неприступной стеной отделял северные районы Афганистана от южных. Его величественные скалы и скрытые снегом перевалы нередко служили надежной защитой от чужеземных пришельцев. Говорят, что именно здесь, в районе перевала Саланг, были разбиты орды Чингисхана. В прежние времена караваны, пытавшиеся преодолеть Гиндукуш в этих местах, часто попадали в такие дикие бури, что выбраться отсюда им удавалось лишь с огромным трудом и значительными потерями.

И вот в августе позапрошлого года в местечко Доши, к горному хребту, начали стягиваться части афганского рабочего корпуса. Именно им и прибывшим для оказания технической помощи в строительстве автомагистрали советским специалистам во главе с инженером Ф. И. Болдышевым и было поручено осуществить проект сооружения «Дороги Саланг».

У правого, пологого берега реки Хинджан появились белые палатки, передвижные вагончики, все нарастающим потоком начала поступать тяжелая дорожно-строительная техника. С удивлением смотрели местные жители на это странное переселение; мало кто из них верил тому, что именно здесь гладкой лентой пробежит широкое шоссе и уйдет петлять к перевалам Гиндукуша, чтобы, перешагнув его где-то у самых облаков, уйти вниз, в цветущую долину Каписы, и дальше, к центру страны, к Кабулу.

С тех пор прошло более года. И вот мы уже едем по широкому полотну новой дороги. От Доши старый путь на Кабул идет через Шибарский перевал. Дорога поворачивает направо и через небольшой мост перебегает пенящийся голубой Андараб. Новая дорога, ответвляясь налево, идет к строительству четырехпролетного моста, который будет почти в два раза больше старого.

Еще издали слышится дробная трель клепальных молотков, рев самосвалов, лязг ковшов экскаваторов. Инженер Б. Лобженидзе, плотный, с аккуратно подбритыми усами грузин, не может без гордости говорить о сооружаемом объекте. Ведь это будет самый крупный и, как он уверяет, самый красивый мост! Мост открывает путь и к самой магистрали через Гиндукуш.

В стальных переплетениях пролетов мелькают фигуры советского клепальщика Ф. Горемыкина и афганских солдат из стройбатальона. Сквозь шум слышатся крики «Давай!» и через несколько секунд — «Хорош!». Идет клепка пролета. Афганские друзья не только переняли от Горемыкина мастерскую хватку клепки металла, но и по-русски задорными «Давай!» и «Хорош!» обозначают начало и конец операции.

В поселке Хинджан — в штаб-квартире первого участка строительства дороги — нас приветливо встретил полковник Абдул Рашид хан, начальник строительства.

— Народ Афганистана,— начинает Абдул Рашид хан,— с давних пор мечтает о дороге через Саланг. И вот теперь эта мечта воплощается в жизнь: идет строительство дороги, небывалое по своим масштабам для Афганистана. Не только правительство, но и весь наш двенадцатимиллионный народ ждет часа, когда по дороге



Премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд (слева) на строительстве дороги.

откроется движение. Мы, ведущие это строительство, уверены, что с помощью советских друзей пробьем дорогу через Гиндукуш. Мы стараемся как можно лучше овладеть опытом советских строителей, чтобы плодотворно использовать его и на других наших стройках. Ведь кроме того, что мы здесь учимся управлять техникой, мы познаем еще и систему, порядок работы, без которых трудно добиться успеха, а эта сторона не менее важна для нас.

Дорога, поднимаясь в горы, бежит среди террас и тутовых садов, поражающих своим изящным рисунком. А ведь вся эта земля отвоевана крестьянином у гор! Сколько глыб без всяких машин и механизмов пришлось ему убрать отсюда, сколько нужно было принести плодородной земли, чтобы развести здесь эти сады, так искусно разбить террасы!

За одним из поворотов видим земляной карьер. Здесь строители нашли подходящий грунт для земляного полотна и двумя экскаваторами выедают у горы ее земляную подошву. За котлованом нашу машину останавливают.

— В чем дело? Нет дороги?

— Дорога-то есть, да слишком длинна, много всяких петель,— отвечают нам,— а теперь мы ее выпрямим... Подождите часок.

Инженер Л. П. Смирнов с группой афганцев подготавливает «горку» к взрыву. Девять тонн взрывчатки в мгновение ока сделают то, на что потребовались бы десятки дней работы... Грохает взрыв.

Взрывники сделали свое дело, теперь очередь за бульдозеристами. И вот уже лучшие из них — Али Хасан, Мухаммед Хасан и другие — направляют могучие машины по крутым откосам к месту взрыва. Мухаммед Хасан на вид еще совсем мальчишка. Тринадцатилетним худым пареньком пришел он сюда, желая хоть в чем-то помочь строителям, штурмующим Гиндукуш. А через год он превзошел своего учителя.

Побывавший на стройке премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд, понаблюдав за работой Мухаммеда Хасана, расцеловал его, сфотографировался с ним на память и дал распоряжение премировать молодого бульдозериста тремя тысячами афгани.

— Дитя Саланга,— представляли премьеру юношу.

— Нет,— поправил тот,— сын полка!

Выглянув из дверки кабины, «сын полка» помахал нам в знак привета рукой и повел свою машину дальше по откосу. Совсем мальчишка! И комбинезон-то болтается на нем, как на вешалке. Рукава наполовину завернуты кверху. Почти на четверть подвернуты кверху брюки. А как мастерски работает! Вот оно, истинное будущее Афганистана!

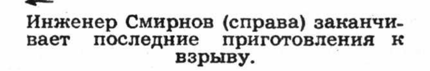
Бульдозеристы расчистили дорогу, и мы продолжаем свой путь. Возле одного из глиняных заборов близ дороги, пропуская машину, стоял старик с красивой белой бородой. Остановив машину и обменявшись традиционными приветствиями, мы заговорили с ним.

— Двое моих сыновей уже ушли в горы, а третий скоро пойдет туда,— сказал старик.— Сар инженер,— так старик именовал Ф. И. Болдышева,— сделал из них отменных механиков. Я надеюсь, что они станут потом настоящими инженерами.

Старик еще долго говорил с нами. Говорил он о том, что отказался от компенсации, которую правительство предложило крестьянам, по чьим землям прошла дорога, что от компенсации отказываются все крестьяне, «даже самые скупые».

— Мы все хотели, чтобы дорога прошла здесь и принесла с собой благополучие нашему народу.





Инженер Смирнов (справа) заканчивает последние приготовления к взрыву.

Ухнул взрыв... Пусть дорога теперь бежит прямой лентой!





Валентина — Ю. Борисова.



Несмотря на непогоду, брачная церемония выглядела весьма торжественно.

Серегиных стало на свете больше...





НЕДАЛЕКО ОТ ГОРОДА ИРКУТСКА

По длинному, пересекающему сцену дощатому помосту прямо на зрителя идут два широкоплечих, коренастых парня и тоненькая молодая женщина.

Негромко, задумчиво, чуть печально звучат со сцены их слова: «История моей жизни...», «И моей...», «Моей тоже...» Так начинается наше знакомство с героями спектакля «Иркутская история», поставленного в Театре имени Евг. Вахтангова режиссером Евгением Симоновым.

О чем же расскажут нам драматург А. Арбузов и театр?

Недалеко от города Иркутска, на строительстве крупной электростанции, жили Валя, разбитная, взбалмошная девчонка, и два друга — Виктор Бойцов и Сергей Серегин.

Валя работала кассиршей в маленьком магазинчике. Ни к чему не стремилась, ни о чем не задумывалась, ничего, даже свою худую славу, не принимала близко к сердцу. Ю. Борисова смело передает и вульгарность своей героини, и ее развязность, и дерзкую бесшабашность, с которой она относится ко всему окружающему. Такой была Валька, по прозвищу «Дешевка», пока не встретила Сергея.

Любовь может сделать человека неизмеримо лучше, изменить его неузнаваемо, утверждает пьеса. Становление характеров героев, изменение их психологии, всего их облика точно и последовательно показывает спектакль вахтанговцев.

Сильная, беззаветная любовь Сергея резко изменила судьбу Вали, помогла ей обрести чувство собственного достоинства, веру в себя.

Валя (Ю. Борисова) становится ровнее, душевнее, внутренне грациознее; у нее появляются мягкость и женственность...

В чем-то меняется и Сергей (М. Ульянов). После женитьбы на Вале он становится более жизнерадостным, непосредственным. А как же Виктор (Ю. Любимов), веселый парень, с которым «гуляла» прежде Валентина? Не осталось и следа от его былой беспечности и легкомыслия.

Неразделенное чувство научило Виктора чуткости, самоотверженности, настоящей требовательности к себе и другим.

И когда трагически погибает Сергей Серегин, спасая купавшихся вместе с ним ребятишек, именно Виктор помогает Вале найти свою дорогу в жизни. Он заставляет молодую женщину идти работать на экскаватор, где прежде работал ее муж, приобрести специальность, интересную и трудную, такую, о которой мечтал для нее Сергей.

Пьеса А. Арбузова необычайна по форме. В сценах, написанных сочно, с бытовой конкретностью, внезапно звучат лирические отступления персонажей.

С глубоким и тонким пониманием особенностей пьесы поставил спектакль Е. Симонов. Это сказалось и в работе актеров и в интересно найденном внешнем образе спектакля (художник И. Сумбаташвили).

Мы воспринимаем длинный помост, идущий через всю сцену, то как деревянный тротуар в новом, еще не до конца отстроенном поселке, то как мост, то как спуск к реке. И в то же время он словно символизирует тот жизненный путь, который проходят герои.

...Кончается спектакль, но мы продолжаем раздумывать над той историей, которая произошла где-то под Иркутском.

И еще мы думаем о том, какие новые, благородные, красивые отношения между людьми рождаются в нашей стране в наше время.

И. САХАРОВА

Фото М. Дулькиной и М. Чернова.



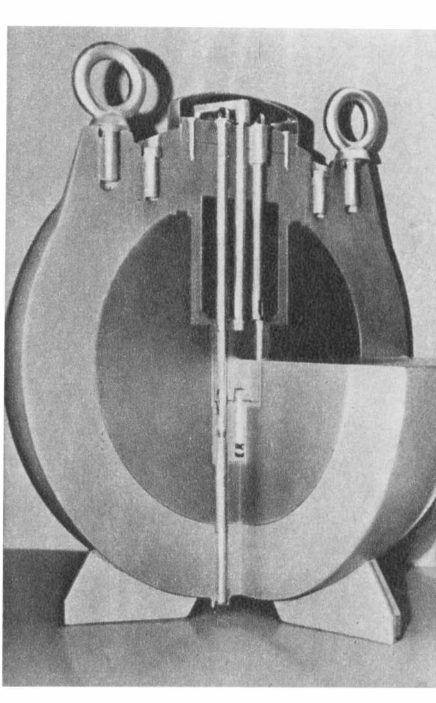
Лишь недавно появилась марка Черновицкого машиностроительного завода. Но марку эту уже хорошо знают повсюду, где пользуются аппаратурой, выпускаемой молодым заводом.

Фото Н. Козловского.

У витрины...

АТОМ СЛУЖИТ МИРУ

Невидимые лучи видят и то, что скрыто от глаз человека, например трещины внутри металла. Промышленный гамма-дефектоскоп помогает найти их и избежать брака.



Атомное ядро — это ничтожная пылинка. Но чтобы защитить человека от разящих ядерных лучей, нужна мощная броня. Перед нами контейнер для перевозки радиоактивных изотопов.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Однажды мне пришлось работать на химическом комбинате. В огромном жароупорном резервуаре из тонко измельченной массы топлива получался ценный газ. Механики проклинали эту махину:

— Никак не уследишь за уровнем! Опустишь — сожжешь, поднимешь — остудишь. Да и как увидишь уровень сквозь металл, нагретый чуть ли не до тысячи градусов?!

Мне вспомнился этот капризный агрегат, когда я зашел в магазин «Изотопы» на Ленинском проспекте. Действительно, на какие только ухищрения не пускаются инженеры — химики и пищевики, нефтяники и металлурги,— чтобы за листом стали рассмотреть в бурлящей и кипящей массе границу между веществами различной плотности! А решение вот, передо мною.

...Радиоактивный уровнемер УР-6А. Поток лучей пропускается сквозь вещество и, естественно, частично им поглощается. Гуще вещество — большее поглощение. Всевидящее око заглядывает в сосуд через стальную стенку с такой же легкостью, как мы — сквозь стекло стакана.

А вот защитная техника. Она представлена особенно широко. Вы здесь найдете все: от одноразовых респираторов «Лепесток» для местной защиты персонала от гамма-излучения до контейнеров завода «Латвэнерго» и вытяжных шкафов, предназначенных для работы с альфа- и бета-активными веществами. В конце зала вы обязательно остановитесь перед защитным пневмокостюмом ЛГ-4. Он удивительно напоминает те, в которых авторы научно-фантастических романов посылают своих героев завоевывать космические пространства.

В магазине «Изотопы» продаются небольшие ящички. Это поисковые радиометры типа «Кристалл» и «Разведчик»... Назначение их — искать радиоактивные вещества по гамма- или бета-излучению. Ценное приобретение для геологов!

В самом центре зала — большая светящаяся доска. Это таблица радиоактивных и стабильных изотопов, которые здесь продаются. Сейчас известно с искусственно полученными 102 элемента. Каждый элемент имеет разновидности — изотопы. На сегодняшний день выявлено около 300 устойчивых, стабильных изотопов и свыше 1000 радиоактивных. Магазин предлагает своим покупателям широкий выбор: 75 радиоактивных изотопов, 217 — стабильных, 490 — радиоактивных соединений, 300 — стабильных изотопов в соединениях, 10 — гамма-источников, 5 — бета-источников, нейтронные полониево-бериллиевые и радиобериллиевые источники... И когда мне сказали, что этот магазин за какой-нибудь месяц существования стал известен всему свету, что заказы к нему стекаются из многих стран и Запада и Востока, я ничуть не удивился. Ведь здесь можно заказать для лаборатории, завода, клиники весь выпускаемый в настоящее время ассортимент изотопов, источников ядерного излучения, защитных материалов, оборудования и приспособлений, приобрести монокристаллы и сцинтиллирующие (светящиеся под действием падающих на них частиц) вещества.

— Кто же больше всего посещает магазин? — обращаюсь к старшему инженеру-физику демонстрационного зала Серафиме Владимировне Соболевской.

Она задумывается.

— Пожалуй, врачи. Медицинские учреждения покупают у нас много изотопов и дозиметров — приборов для проверки уровня радиации в помещении. А многие приходят просто познакомиться с применением изотопов в медицине. Всех интересуют способы лечения при помощи радиоактивных элементов. Особое внимание привлекает универсальная установка К-60 000 для гамма-терапии. Сущность лечения состоит в том, что радиоактивным кобальтом облучают глубокие опухоли и «убивают» их. С помощью изотопов диагностируют болезни, лечат злокачественные и сосудистые опухоли, заболевания щитовидной железы, экзему. И средства для всего этого можно найти здесь.

— Есть ли у вас что-нибудь для тружеников полей?

— А как же! Изотопы нужны везде. Возьмите, скажем, картофель. Сколько его гибнет весной от прорастания! Но попробуйте его облучить при помощи простейшей установки, испускающей гамма-лучи,— и он не будет прорастать год и даже больше. Такая установка доступна многим нашим колхозам и совхозам с емкими овощехранилищами. И это куда выгоднее опыливания картофеля дорогостоящими и дефицитными химическими препаратами. К тому же, надо учесть, что радиоактивно обработанный картофель не прорастает даже при хранении в обычных, специально не охлаждаемых хранилищах...

Слушая Соболевскую, я вспомнил слова моего знакомого учителя:

— Чем велик советский атом? Тем, что он демобилизованный. Да, да, не спорь! У нас он снял военную форму. С тех пор, как пустили первую атомную электростанцию, атом надел рабочую спецовку. Изотопы — это ж атомы в спецовках, мирные труженики!

Да. Эта мысль невольно приходит в голову, когда идешь по светлому, просторному помещению магазина — единственного в мире.

Вл. КЕЛЕР, инженер



Москва, Ленинский проспект, 70...



В центре зала — большая светящаяся доска...

Защитная камера для работы с альфа- и бета-частицами.





Хамид ГУЛЯМ

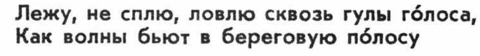
Рисунки В. Высоцкого.

ДЫМ НАД ХИЖИНОЙ

Эту свою балладу
начну я в глуши такой,
Где не найти адвоката,
лишь судьи есть под рукой.
Безмолвны рощи какао,
в хижинах нет огней.
Как вымерла вся деревня,
один лишь дымок над ней.
В хижине у Воттýна
все племя сошлось чуть свет.
Уже очаг догорает,
а Воттуна все нет.
Воттун пошел к англичанину,
три дня уже нет его.
Пошел передать он мысли
племени своего.
Но английский начальник
в железо его заковал
И только потом его мысли
к себе на допрос позвал.
Так легче выиграть диспут,
когда, придя на допрос,
Помнит, что он закован,
тот, кто мысли принес.
Ночное позднее время;
полисмену не по душе,
Что снова сошлось все племя
в Воттуновом шалаше.
Воттун говорил здесь речи,
он не просто болтун,
Говорят, что для всей империи
стал опасен Воттун.
Руки Воттуна закованы,
но в одной из газет,
Говорят, на первой странице
напечатан его портрет.
Говорят, он сказал англичанам,
что земля под ними горит,
Говорят, это очень отчаянно,
то, что он говорит.
Будто бы масло пальмовое
и каучуковый сок,
Чем отдавать англичанину,
лучше вылить в песок.
Будто бы тот, кто спину
гнет для чужих барышей,
Будто бы он унижен
таким порядком вещей.
Будто бы он поэтому
голоден, болен, слаб,
Будто бы здесь, в Нигерии,
есть еще слово «раб».
Будто бы это слово
надо выжечь дотла,
Будто б тогда Нигерия
счастливой страной была!
О чем еще говорил он?
О чем говорил? Ах, да!
Будто б врачей побольше
надо послать сюда,
Будто б надо лекарствами
пичкать черных детей,
Будто б они не выживут
без этих его затей.



Будто бы надо черным
школы построить тут,
Будто б они без грамоты,
ну, прямо не проживут.
Будто б все они люди,
у всех своя голова.
И так говорил он, будто бы
сам верил в свои слова!
Полисмен идет по деревне.
Все заперто на замок.
Но над хижиною Воттуна
вьется в небо дымок,
Вьется, тонкий, как волос,
среди непроглядной мглы
И упрямый, как голос,
закованный в кандалы.
Полисмен идет по деревне.
Полисмен до утра следит.
Хозяина нет, но в хижине
племя его сидит.
— Воттун в кандалы закован,
а что же сделаем мы?
Неужели мы свои мысли
не выручим из тюрьмы?
Против нас англичане
сети плетут свои,
Судья — племянник начальника,
начальник — дядя судьи.
Начальник сказал: из Лондона
пусть едет к вам адвокат.
Но нанять адвоката
может тот, кто богат.
Тысяча фунтов стерлингов —
адвокату цена.
У адвоката дети,
у адвоката жена.
Адвокату ехать и ехать:
Нигерия далеко.
Нет, нанять адвоката
племени нелегко.
Весь урожай какао
за самый хороший год
Тысячу фунтов стерлингов
племени не дает!
И все-таки, все-таки, все-таки
пусть целый год голодать,
Надо тысячу фунтов
адвокату отдать.
Пусть берет свою тысячу,
пусть скорее едет сюда,
Чтоб спасти Воттуна
от неправедного суда.
Уже решается племя
на долгий голодный год.
Но у порога хижины
негр молодой встает.
— А вдруг у начальника нашего
и в Лондоне есть друзья?
А вдруг адвокату окажется
родственником судья?
И они с судьей соберутся
и все решат, как хотят.
И наши голодные дети
нам этого не простят!
Нет, лучше напишем в Гану,
там есть один адвокат.
Он черный, он телеграмму
нам дал, что приехать рад.
С начальником не знаком он,
судье не родственник он.
Он денег у нас не просит
за то, что знает закон.
Ему нужна только виза,
чтоб это дело начать.
Начальник должен поставить
на ней большую печать!
— Пусть ставит! — сказало племя.—
Пусть среди ночи встает
И то, что назвал ты визой,
нам прямо в руки дает!
И, покинув шалаш Воттуна,
все племя ночью пошло
К большому дому начальника,
где бетон и стекло,
Где в комнатах вентиляторы,
лед и водопровод,
Где день и ночь полисмены
вдвоем стоят у ворот.
Но их начальнику мало
в такую бурную ночь.
Он вызвал отряд полиции,
он просит ее помочь!
Полиция окружила
племя со всех сторон.
Теперь начальник спокойно
вышел на свой балкон.



— Зачем вы явились ночью?
— Потому что не можем ждать!
Ту вещь, что зовется визой,
ты нам должен отдать.
Ты должен дать эту визу
нам прямо в руки из рук.
Потому что без этой визы
к нам не приедет друг!
Ты должен на ней поставить
свою большую печать.
И пока не сделаешь это,
мы не будем молчать!
— Я не дам вам визы, я знаю,
что едет к вам адвокат.
(Еще б не знать: у начальника
на телеграфе брат.)
Я не дам адвокату визы,
даром проездит он.
Воттун все равно виновен
и будет мной осужден!..
— Мы не уйдем без визы!
Уже взведены курки,
Но, как черные статуи,
стоят впереди старики.
— Мы не уйдем без визы! —
говорят старики,
Людскими глазами глядя
в автоматов зрачки.
— Мы не уйдем без визы!—
твердят их мертвые рты,
Когда уже автоматы
пролаяли из темноты.
Не отступив от слова,
сами они не ушли,—
Их сыновья и внуки
на плечах унесли.
Но и начальник слово
выдержал до конца.
Сослан Воттун в оковах
на добычу свинца.
Говорят — он пишет оттуда,—
что будто бы попран закон,
Что будто бы он невинен,
что будто б зря осужден!
Но говорят, что будто бы
начальник все письма рвет,
И будто бы так и будет,
пока начальник живет...
Не знаю, как это будет,
кто из них победит?
В хижине у Воттуна
племя его сидит.
И чтобы огонь был вечным,
в него всю ночь без конца
То один, то другой бросают
облитые гневом сердца!
Пусть будет конец баллады
занесен над врагом,
Как палка упрямого дыма
над вечным тем очагом!







ГВОЗДИКА

Гвоздику я бы не пустил в балладу,
Да спутник так болтлив, что нету сладу!

В Александрию едем с ним на поезде,
И нет конца его сладчайшей повести.

Про Фергали́, про Фергали́ великого,
Про лацкан пиджака его с гвоздикою,

Известной каждому на побережии,
Зимой и летом неизменно свежею,

Просунутою незаметно, кончиком,
В петличку с тонким водяным флакончиком...

Мой спутник хочет, чтоб на всю планету
Я раструбил бы про гвоздику эту.

В нем нет еще и тени подозрения,
Что не сойдутся наши точки зрения.

Уже мы слезли с поезда, в отеле мы,
Свет погасили и легли в постели мы,

Но все струится с языка незримого
Рассказ про Фергали́ неповторимого.

— Он хлопок здесь скупает в эти месяцы,
Вам завтра утром предстоит с ним встретиться,

С его улыбкою, с его гвоздикою...
Всю ночь мой спутник маятником тикает,

Гудит, не уставая, словно радио,
А я его своим молчаньем радую,



Лежу, не сплю, ловлю сквозь гулы го́лоса,
Как волны бьют в береговую по́лосу

И как, шурша песком, сама пустыня
Перебегает улицы пустые.

Нет, не про Фергали́ с его гвоздикою —
Я про пустыню думаю, про дикую,

Безводную, бесснежную, безмерную,
Не меряную рейкой землемерною,

С шатрами бедуинов, гордо рваными,
С их нищетой, прикрытою коранами,

С мечтой о Ниле под кошмою каждою,
С неутоленным голодом и жаждою,

С песком, в зубах хрустящим, как безумие,
С верблюдами, иссохшими, как мумии,

С детьми, худыми, как само отчаянье,
С глазами их, которых нет печальнее!

Я вижу в кровь исхлестанную спину
Батрачки, убежавшей с поля к сыну,

Я вижу хлопок на краю пустыни
И кровь на нем! И сердце мое стынет

От бешенства холодного и страшного,
От этого наследья дня вчерашнего.

Лежу. Молчу. А спутник все неистовей
Мне соловьем про Фергали́ насвистывает:

— Хотя и стар, но выглядит так молодо,
Когда плывет по рынку с белым золотом.

Как весел он, как вежлив, вот увидите,
Всегда с гвоздикой свежей, вот увидите!

И тут, себя сдержать уже не пробуя,
— Давайте спать! — я говорю со злобою.

Но сам всю ночь египетскую, лунную
Все не могу заснуть, с башкой чугунною.

Огни и звезды портового города...
А сердце, как ножом, тоской распорото!



Глаз не сомкнув, с утра иду на вылазку,
За домом дом, за вывескою вывеску —

Смотрю лавчонки, лавки, магазинища,
Голодных ребра и жратвы корзинищи.

Открытое без всякого смущения
Богатства с нищетой кровосмешение.

А вот и порт, толпой судов заставленный,
И рынок здешний, до небес прославленный,

С его египетского хлопка кипами,
Со звоном денег, с криками и всхлипами,

С его торговцев языками бешеными,
Как колокол, над городом подвешенными.

И среди этого столпотворения
Вдруг мне навстречу, как стихотворение,

Сам Фергали́ с гвоздикой неизбежною,
Розовощекий, с сединою снежною.

Мы рынком сведены, людьми представлены,
Друг перед другом, баш на баш, поставлены.

Да, это верно, выглядит он молодо,
Нет на лице следов забот и голода.

Он горд, людей он криком не преследует,
Как тот бедняк, что продает последнее.

Всего одно движенье пальцем подано —
И горе тысяч куплено и продано...

Да, это верно, он нежнее нежного
Мне хвалит море хлопка белоснежного,

Но не хотел и на день бы остаться я
В его руках, на белых тех плантациях,

Где крик батрачки, в кровь бичом обласканной,
Торчит гвоздикой красною из лацкана,

Где молоком грудным, как бык, он выпоен,
Из тысячи голодных — сытым выкроен,

С улыбкой розовой, с походкой важною,
С гвоздикою, от слез ребенка влажною.

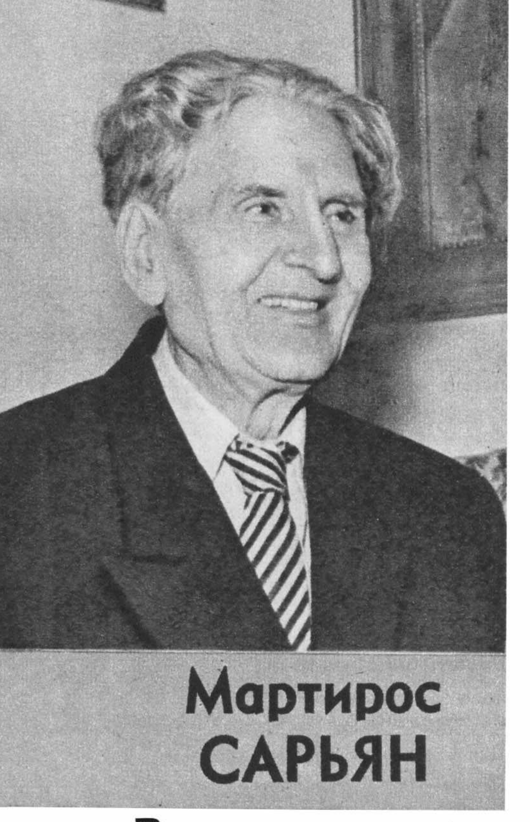
Наш разговор с ним тонкой ниткой тянется;
Сейчас рвану — и два конца останется!

Обоих нас я этим лишь обрадую.
Но как же быть тогда с моей балладою?

Чем гладкою концовкой быть испорченной,
Пусть лучше остается незаконченной,

Поскольку на гвоздику эту красную
И есть и будут точки зрения разные.

Вольный перевод с узбекского
Константина **СИМОНОВА**.



Мартирос САРЬЯН

В ранней юности я увидел однажды в журнале картины, буквально ошеломившие меня своей необычностью как по сюжету, так и по исполнению — почти силуэтные формы, грубая кладка цвета широкой кистью тремя-четырьмя локальными тонами. На картинах была незнакомая мне подпись: «М. Сарьян».

Прошло много времени, прежде чем я оценил в этих вещах правду образа, говорящего предельно ясным, настоящим живописным языком. Мой рационализм сменился теплым отношением к художнику.

«Финиковая пальма», «Идущая феллахская женщина» оказались началом творческого пути одного из наших самых живописных, самых самостоятельных, самых жизнеутверждающих художников, Мартироса Сергеевича Сарьяна. От ранних, несколько экзотических вещей с декоративной опрощенностью форм Сарьян позднее приходит к ритмическим композициям, будь это пейзаж, натюрморт, портрет. Ритмика формы и цвета была давно подмечена народным искусством Армении, но у Сарьяна она приобрела новые качества: сложную живописную мелодичность, свободную плавность формы, ясную пространственную характеристику, истинную монументальность.

Сарьян силою своего искусства сумел показать нам выжженную, бурую древнюю Армению во всем блеске света и цвета, с прозрачными далями, роскошью цветов и плодов. Нам трудно отрешиться от сарьяновской Армении и увидеть ее как-то иначе. Это не романтика художника, а сама реальная сущность его родины, трудолюбивой, обновленной, осовремененной. Его пейзажи и натюрморты лишены эклектизма. На них не лежит паутина умерших школ. Вещи полувековой давности дышат молодостью, сверкают сочностью красок. Глядя на его пейзажи, всегда испытываешь свежий холодок, будто высоко с горы перед тобой раскрываются необъятные просторы Армении.

Мартирос Сергеевич много путешествовал, еще больше видел, но всегда оставался верен своей советской родной Армении, которая сделала его простым человеком, мудрым художником, которая ему много дала, многому научила. За кажущейся небрежной техникой живописи Сарьяна стоит большая, умная простота — результат многих размышлений, огромного, долгого труда. Мазок его всегда предельно отработан, разнообразен по удару, гибкости, цветовой плотности и всегда органичен со смыслом произведения. Мы просто любуемся его искусством, не задавая ненужных вопросов. Любуемся, как песней.

На юбилейном вечере Рубена Симонова я долго в фойе стоял у его двух портретов, написанных двумя художниками — Павлом Кориным и Мартиросом Сарьяном. Какие разные портреты одного большого артиста! Они, казалось, исключали друг друга. Но это только казалось. И вдруг пришла мысль: какую широту, простор, разнообразие несет в себе наша советская живопись, сколько почерков допускает ее метод! Строгий, чеканный, суровый коринский портрет показывал нам режиссера в его подчеркнуто официальном виде, и как расширил представление о человеке портрет Сарьяна, где Рубен Николаевич выглядит домашним, простым! С приветливым, умным лицом, он как бы ведет с вами близкую, понятную, большую беседу. Народные ковры подчеркивают белизну одежды актера и его смуглую кожу. В каждом портрете Сарьяна есть внутренняя характеристика, типизация портретируемого. Для каждого он находит нужную ему цветовую гамму, убедительный жест. Весь ушедший в себя И. А. Орбели, бардом глядит на вас Аветик Исаакян, мятущийся, напряженный скульптор Н. Б. Никогосян, величавый образ Ж. И. Асратян.

Художник всдет живопись портрета на тонких сочетаниях полутонов, вводя в этот общий тон бравурные локальные цвета красного, зеленого, желтого.

Нас не удивляет, что у него были учителями К. Коровин, В. Серов. Они раскрыли ему все великолепие и разнообразие искусства. Не поминая ученика до положения своего подмастерья, они сумели дать ему путевку в жизнь как мастеру.

Стиль Сарьяна давно перешагнул по своему значению границы маленькой Армении; его жизнерадостную, звонкую живопись можно заметить в картинах многих художников нашей великой многонациональной Родины, увидеть в искусстве младшего поколения художников Армении.

Всем сердцем Мартирос Сарьян служит искусству. Шестьдесят пять лет крепко держит в руках мастер кисть. Таким он и написал автопортрет. Все так же по-молодому, зорко видит восьмидесятилетний художник. Все тоньше и благородней становится его искусство.

А. ДЕЙНЕКА.
Народный художник РСФСР.

«СБЫЛАСЬ МОЯ МЕЧТА»

— Много лет мечтал я приехать в Советский Союз со своей семьей, особенно после того, как в 1958 году я впервые сам побывал в Москве,— сказал нашему корреспонденту американский писатель и публицист Альберт Кан.— Сейчас сбылась моя давнишняя мечта. Наконец моя жена Риетт, сыновья Тим и Брайн смогут разделить со мной счастье созерцать красоту и чудеса, которые со всех сторон окружают человека в вашей изумительной стране. Мы все глубоко взволнованы и несказанно счастливы.

Читатели «Огонька» не раз встречали имя А. Кана на страницах журнала. Его яркие и острые очерки печатались на страницах «Правды» и других советских газет. Кан пробудет в Москве несколько месяцев. Он хочет писать книгу о Галине Улановой.

Риетт Кан — скульптор. Она хочет посвятить свое пребывание в Советском Союзе изучению русского и советского искусства. Риетт Кан намерена не только изучать наше искусство, но и работать в Москве. Она хочет сделать несколько скульптур.

— С нетерпением жду я встреч с вашими прекрасными скульпторами и художниками. И, разумеется, мне очень хочется осмотреть московские музеи и знаменитую Третьяковскую галерею, о которых я столько слышала и читала.

Два младших члена семьи Канов очень не похожи друг на друга. Высокий, плотный, нетороплнвый и спокойный Тим, которому скоро исполнится 16 лет,— он будет в это время еще в Москве — говорит:

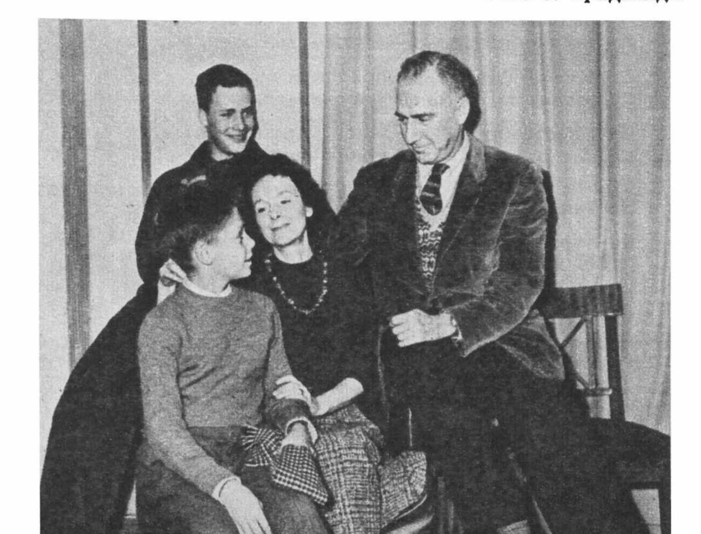
— Когда я уезжал, у нас в школе в Сонома учителя в один голос говорили мне: «Так, как тебе, Тим, людям везет лишь раз в жизни. Только подумать — несколько месяцев жить и учиться в Советском Союзе!» Они сказали как раз то, о чем все время думаю я сам,— это действительно очень здорово!

Тоненькому, светлоголовому, непоседливому Брайну 13 лет. Эти несколько месяцев он будет учиться в одной из московских школ. Брайн вдруг стал очень серьезным, когда корреспондент обратился к нему.

— Я все время буду переписываться со своими школьными друзьями в Калифорнии. Я буду писать обо всем, что здесь увижу, о ребятах, с которыми буду вместе учиться.

М. ВИКТОРОВА

Альберт Кан и его семья в редакции журнала «Огонек».
Фото С. Фридлянда.





Финал полон драматизма

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Ошиблись те, которые полагали, что в турнире уже «все ясно» и что финиш шахматного первенства будет не таким увлекательным, как всегда.

О, нет, финиш был полон драматизма!

Главным «виновником» в оживлении спортивной борьбы был Тигран Петросян. В четырнадцатом туре Лев Полугаевский всю партию играл действительно как лев, но Тигран не играл как тигр: в итоге у необычайно стойкого Петросяна в таблице появился первый ноль. Петросяна догнал ленинградец В. Корчной. Когда соперничает москвич с ленинградцем, то радуется одессит Е. Геллер. Пользуясь небольшой суматохой в «доме Петросяна», Геллер начал играть с удвоенной энергией и интересом. Он почувствовал, что вопрос о чемпионе еще открыт.

Пятнадцатый тур не внес изменения в лидирующей группе. Ленинградцы совсем «переключились» на В. Корчного, и мало кого уже огорчала неудача Б. Спасского. Т. Петросян легко победил Б. Гургенидзе, а Е. Геллер — Л. Шамковича.

Как известно, экс-чемпион мира В. Смыслов является президентом Шахматной федерации РСФСР. В этом чемпионате Смыслов одержал первую победу над новосибирским мастером Н. Крогиусом, а затем над вторым представителем Новосибирска А. Лутиковым. «Президент обижает только своих»,— сказал один из наблюдателей.

Под конец турнира не повезло Т. Петросяну, который из-за болезни должен был пропустить два тура.

Шестнадцатый тур был похож на этюд с заданием: «Белые начинают и выигрывают!» Это был поистине «черный день» для играющих черными, которые шесть раз сдавались. Среди пострадавших был и Корчной. В его встрече с В. Багировым на двадцать седьмом ходу произошел редкий в турнирной практике случай: Корчному следовало взять ладью Багирова чернопольным слоном. Но, к изумлению Багирова и всего зрительного зала, Корчной взялся за белопольного слона и, поняв свою ошибку, тут же сдался. Играя в домашней обстановке с приятелем, в таком случае можно сказать: «Прости!» Но в турнирной борьбе такого «прости» не может быть. Тут действует строгий закон: дотронулся — ходи! Как объяснить такое обидное происшествие? Рассеянность? Галлюцинация? Это может объяснить только сам Корчной.

Встреча Б. Спасского с Д. Бронштейном носила «показательный» характер. Гроссмейстеры избрали классический королевский гамбит. Ленинградец стремительно и изящно вел атаку. Когда же Бронштейн сдался, то некоторые знатоки дали победе Спасского высокую оценку: у него хорошие шансы на получение приза за красивейшую партию.

Как бы ни было обидно и досадно, а настоящий боец должен уметь мобилизовать свои силы. Следует отметить, что Корчной сумел сохранить внутреннее спокойствие. В семнадцатом туре он победил Н. Крогиуса.

Четвертую победу подряд, на этот раз в партии с В. Либерзоном, одержал Е. Геллер.

Необходимо отметить удачное выступление мастера В. Багирова. В этом туре от бакинца пострадал Д. Бронштейн. В шести партиях Багиров набрал 5,5 очка.

Предпоследний тур! Узнав, что в Ленинграде такое пикантное турнирное положение, шахматная душа такого фанатика, как Михаил Таль, не выдержала, и Таль приехал в качестве болельщика на заключительные туры.

Неутомимый Таль в своем радиоотчете об этом туре заявил, что он был увлекательным, как хорошая книга, и что «опечаток» было мало.

Незавидное положение было у Петросяна: температура, а играть все же надо, перенести игру уже нельзя. Было решено сыграть партию с В. Багировым в номере гостиницы. «Визит вежливости» Багирова закончился довольно быстро: на девятнадцатом ходу — ничья.

В турнирном зале атмосфера была накалена до предела. Еще бы! Играется решающая партия за лидерство Геллер—Корчной. Надо отдать должное обоим шахматным бойцам: они вели партию остро, находчиво, смело. Таль был в восторге от творческого содержания этой партии. Зрители были в восторге от исхода: важнейшее сражение выиграл Корчной, и ленинградец захватил лидерство.

Поражение Т. Петросяна в его пропущенной партии с Ю. Авербахом означало, что для Корчного почти открыта «зеленая улица» к золотой медали чемпиона.

Когда читатель журнала «Огонек» откроет этот номер, шахматному миру уже будет известно имя чемпиона Советского Союза.



С натуры.

Рисунок Вл. Гальба.



Когда дети в школе.

Рисунок С. Кузьмина.

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

Несмотря на мороз и снег, словно в теплый летний день, на поле стадиона выходит силач в трусах и выполняет сложные упражнения. Зрителей всегда интересует, как артист цирка Петр Рублев достиг такой силы и выносливости.

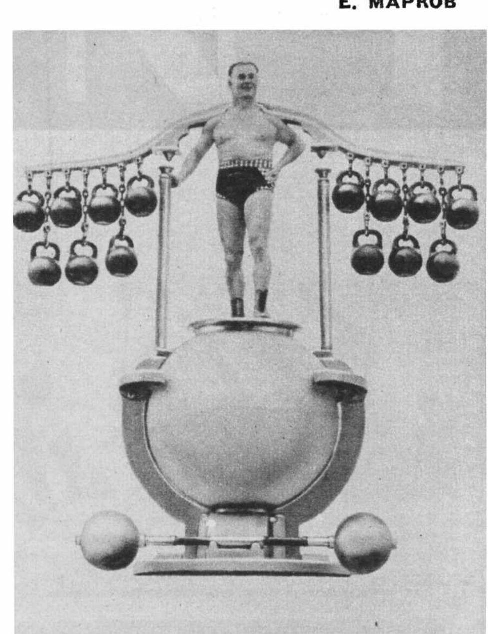
Петр Рублев родился в маленькой таежной деревушке на Урале. С юношеских лет он работал в поле, помогал в кузнице своему отцу, сплавлял лес, уходил на охоту в тайгу. Он носил стокилограммовые мешки с дичью за тридцать километров на заготовительный пункт, один строил большие амбары.

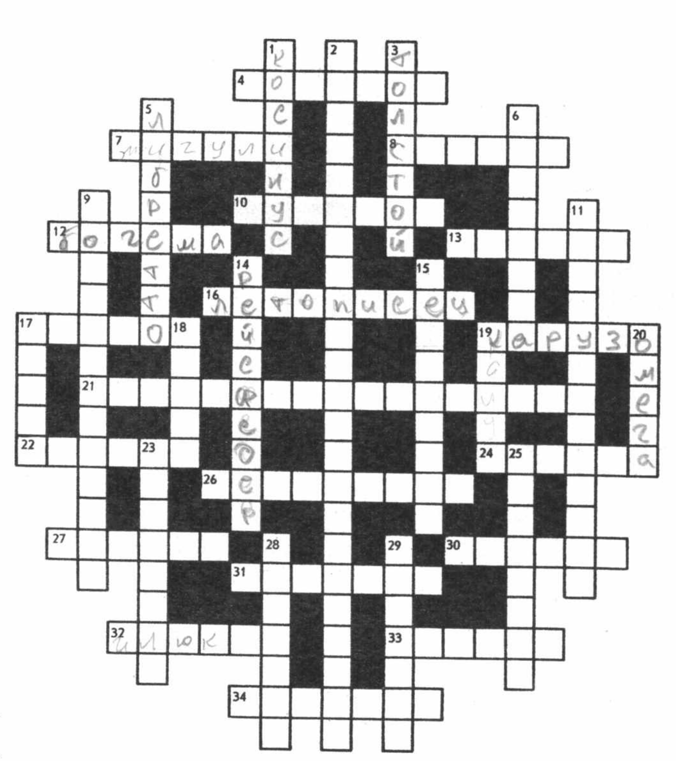
Увлечение народной борьбой привело Рублева в цирк. В 1933 году пришел он пешком в город Надеждинск и поступил в цирковой чемпионат. Много лет работал Рублев в цирке борцом-профессионалом, но по-настоящему проявил свои способности в тяжелоатлетическом номере. Он изобрел оригинальный, приводимый в движение электромоторами аппарат, позволивший ему создать сложные трюки. Артист легко крутит руками тяжелые штанги; делая стойку на руках, держит в зубах гири весом в сто килограммов; свободно поднимает коромысло с двенадцатью двухпудовыми гирями общим весом в 430 килограммов.

Этот вес не предел для русского богатыря. Петр Рублев приварил к коромыслу еще два крючка и готовится поднять четырнадцать двухпудовых гирь, которые вместе с коромыслом весят 500 килограммов.

Е. МАРКОВ







КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Персонаж романа «Тихий Дон». 7. Возвышенности на правом берегу Волги. 8. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 10. Предок некоторых пород домашних гусей. 12. Опера Д. Пуччини. 13. Курорт в Крыму. 16. Составитель исторических записей. 17. Шерстяная ткань. 19. Итальянский певец. 21. Сельскохозяйственное орудие. 22. Обезьяна. 24. Морское животное, передвигающееся реактивным способом. 26. Овощное пряное растение. 27. Форменная куртка. 30. Мелкая монета некоторых стран. 31. Часть речи. 32. Концентрированный сок винограда. 33. Платформа. 34. Театральный работник.

По вертикали:

1. Тригонометрическая функция. 2. Фамилия, упоминающаяся в одном из ранних рассказов А. П. Чехова. 3. Автор романа «Князь Серебряный». 5. Текст оперы, оперетты. 6. Гимнастическая фигура. 9. Русский живописец-портретист. 11. Спортсмен. 14. Чертежный прибор. 15. Город в Вологодской области. 17. Инструмент для изготовления деталей давлением. 18. Роман Т. Драйзера. 19. Рыба, обитающая в Каспийском море. 20. Буква греческого алфавита. 23. Исследователь Дальнего Востока. 25. Экваториальное созвездие. 28. Растение, которое используется для закрепления песков. 29. Перевал в Альпах, связывающий Швейцарию и Италию.

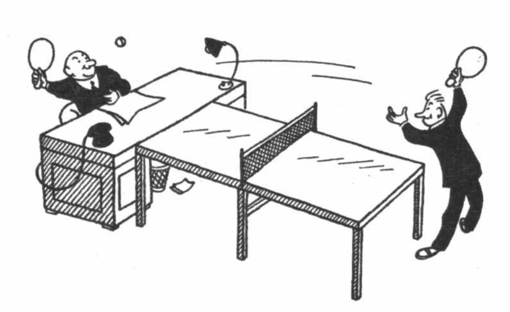
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Боженко. 5. Сталактит. 8. Кресло. 9. Ацетон. 12. Прево. 13. Щёкот. 14. Минус. 19. Умформер. 20. Соломина. 21. Фосфорит. 23. Французы. 27. Коксу. 28. Курсы. 29. Приём. 32. Панама. 33. Арагац. 34. Словацкий. 35. Трактор.

По вертикали:

1. Батист. 2. Желтощёк. 3. Некрасов. 4. Окисел. 6. Гравёр. 7. Домино. 10. Профессор. 11. Фуникулёр. 15. Руффо. 16. Сепия. 17. Домра. 18. Сарыч. 22. Оссиан. 24. Нарзан. 25. Рузаевка. 26. Эспарцет. 30. «Пайлот». 31. Калибр.



Руководящий игрок.

Рисунок М. Вайсборда.

Сова в океане

Советский рефрижераторный траулер «Серафимович» находился в северной части Атлантического океана, примерно в семистах милях от материка, как вдруг на корму села большая птица в белом оперении с бурыми полосками. Ее крылья в размахе превышали метр. Матрос Николай Находкин поймал птицу. Это была белая сова. Интересно узнать: как она могла очутиться в открытом океане?

Н. ВАЛКИН

Мурманск.

— Белая сова — обитательница тундры на материке и на арктических островах,— сказал нашему корреспонденту старший научный сотрудник Московского государственного университета кандидат биологических наук С. М. Успенский.— Дальних перелетов она не совершает, зимой перемещается сравнительно недалеко от мест своих гнездовий, а нередко и зимует в тундре. В открытый океан белую сову, очевидно, занесло сильным ветром. На палубу корабля она села, уже обессиленная дальним перелетом. Известен ряд подобных случаев. Например, сильные продолжительные западные ветры иногда заносят американских птиц даже к берегам Англии. Во льдах Центральной Арктики на советских научных дрейфующих станциях тоже встречались различные сухопутные птицы.

Матрос Н. Находкин с белой совой.

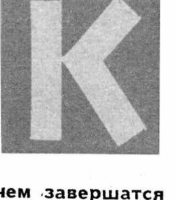
Фото В. Тарбаева.





В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Фото Б. Светланова
и Ассошиэйтед Пресс.



Когда эти строки дойдут до читателя «Огонька», VIII Белая олимпиада подойдет к своему финишу. Но и сейчас, в дни предельного размаха борьбы, наши мысли уже за итоговой чертой. Как хотелось бы проникнуть в будущее, узнать, чем завершатся усилия наших спортсменов!

Давно ли мы знакомились с описанием торжественного ритуала открытия Олимпийских игр в Скво Вэлли? И вот уже позади марш-парад спортивных делегаций и волнующий момент рождения олимпийского пламени в огромной чаше, поставленной между лыжным трамплином и ледяной дорожкой, и первые старты, и первые сенсации.

В огромном пресс-центре, где одновременно стрекотали двести пишущих машинок, причем одинаково громко, вне зависимости от того, для какого языка был приспособлен шрифт, особенно полно ощущался пульс борьбы. Сидя же в пресс-центре, журналисты могли по телевизору следить за ходом соревнований, которые они не успели посмотреть. Тут же, на импровизированной трибуне, выступали перед ними победители, отвечали на самые неожиданные вопросы. Неиссякаемый поток протоколов обрушивался на репортерские головы. От бумаг ломились железные сейфы, и казалось, прогибались столы, за которыми работали представители крупнейших агентств, газет и журналов мира. Кто-то подсчитал, что на каждого участника Белой олимпиады приходится по одному репортеру. 800 человек послала мировая пресса в это местечко у озера Тахо.

По традиции Олимпиада открылась лыжными гонками на 30 километров. Весть о том, что признанный лидер, советский лыжник Колчин заболел и участвовать в соревновании не будет, взволновала всех. Да, это был большой удар для нас. И до боли в сердце было жаль замечательного спортсмена, потратившего столько сил на подготовку и так неожиданно выбывшего из борьбы.

Норвежский репортер, наш сосед в автобусе, направляясь ранним утром к месту старта, откровенно заявил:

— Да, вам не повезло, зато нам повезло.

Но отсутствие Колчина не помогло знаменитому норвежскому лыжнику Брендену, занявшему лишь девятое место. Не помогло отсутствие Колчина и его неизменному сопернику финну Хакулинену, оказавшемуся на финише лишь шестым. Эту гонку блестяще выиграл Ернберг. Знаменитый шведский гонщик поистине неувядаем, и было наслаждением наблюдать за его удивительно гармоничными, точными движениями. Спортсмен в белом костюме, легкий и стремительный, прекрасно



Дважды олимпийская чемпионка и рекордсменка мира Лидия Скобликова.

На снимке справа — олимпийская чемпионка Мария Гусакова финиширует в гонке на 10 километров.

У ФИНИ

НА СНИМКАХ СПРАВА:

Американский конькобежец К. Генри с факелом движется к олимпийской чаше.

Известная американская фигуристка К. Хейсс произносит олимпийскую клятву.

Олимпийская чемпионка в скоростном беге на 1 000 метров Клара Гусева.

Александр Привалов, завоевавший бронзовую медаль в лыжной гонке со стрельбой (биатлон).

В день открытия Олимпийских игр начался сильный снегопад.





взял старт, захватил лидерство и никому его не уступил.

Мы не знаем, смог ли бы Колчин составить конкуренцию Ернбергу, хотя и был прекрасно к этому подготовлен. Но, так или иначе, победа шведа закономерна.

Большое удивление вызвала неудача финнов и норвежцев. Советские лыжники Н. Аникин и Г. Ваганов заняли третье и четвертое места.

Шведам везет на американском снегу. На следующий день после победы на лыжне они добились еще одной золотой медали, на сей раз в биатлоне.

Александр Привалов до подхода к четвертому рубежу шел первым и имел в запасе 3 минуты. Он не потерял до этого ни одной пули, а тут сразу три послал мимо цели, выпустив вперед не только шведа, но и финского спортсмена. Утешением для нас было только одно: советские гонщики, не показав кучности при стрельбе, проявили большую кучность на финише, заняв третье, четвертое, пятое и шестое места, и, таким образом, как бы завоевали главное командное первенство.

С триумфом закончилась женская лыжная гонка на 10 километров! Первые четыре места! Все олимпийские медали! Мария Гусакова, Любовь Баранова и Радья Ерошина—вот кто поднялся на пьедестал почета.

В тот день на флагштоке высился лишь один флаг — Советского Союза.

Да, как и в Кортина д'Ампеццо, лыжный спор между скандинавскими и советскими лыжниками стал одной из ярчайших страниц Олимпийских игр. С волнением мы ждали новых встреч на лыжне. Все журналисты обсуждали возможный исход двух гонок — на 15 и 50 километров. И двух эстафет.

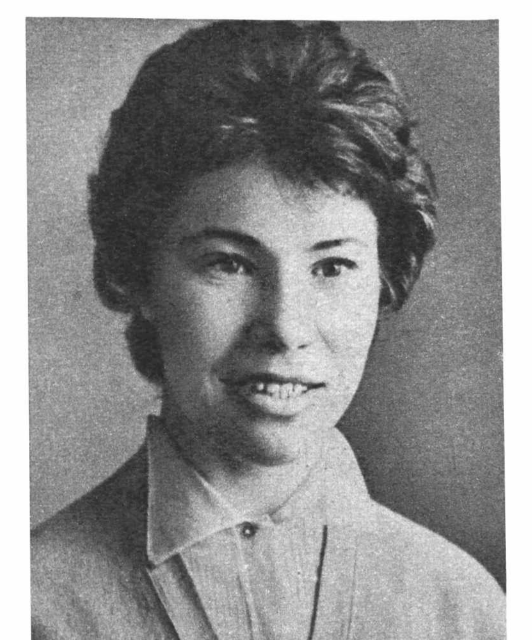
Но в отличие от VII Олимпийских игр в Скво Вэлли была вписана новая, совершенно оригинальная страница олимпийской борьбы. Ее авторами стали «дебютантки» — женщины-конькобежки.

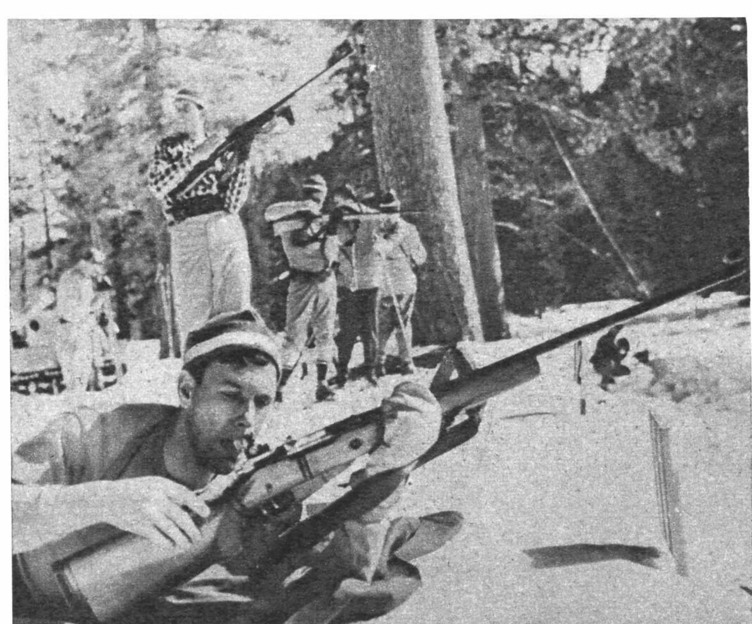
Выступив впервые в истории на ледяной олимпийской арене, они заставили говорить о себе всех. Еще бы! Уже первая дистанция на 500 метров прошла в яркой борьбе. Наша спортсменка Наталья Донченко, выступая в первой паре, показала очень высокий результат, но немка Хельга Хаазе совершенно неожиданно показала лучшие секунды и заняла первое место.

Еще более интересно прошла борьба на дистанции 1 500 метров. Сколько же она доставила нам волнений! Сперва лучшее время было у Клары Гусевой, потом его перекрыла Валентина Стенина. Но вот польская спортсменка Эльвира Серочинская отодвигает наших скороходок на второе и третье места. Время ее очень высокое, всего на две десятых доли секунды хуже мирового рекорда. Неужели ничего нельзя изменить? Ответ на этот вопрос

FINISH

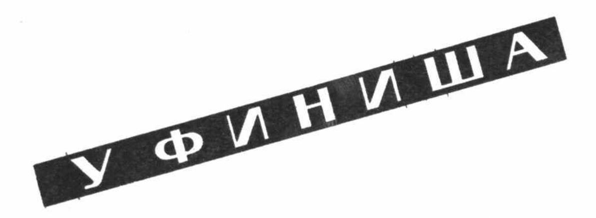
ША











У ФИНИША

Мне трудно подробно описать бег Скобликовой, хотя я видел его весь, от старта до финиша. Яркий бросок легкой девичьей фигурки, нарастание скорости, стремительный ход, последняя прямая...

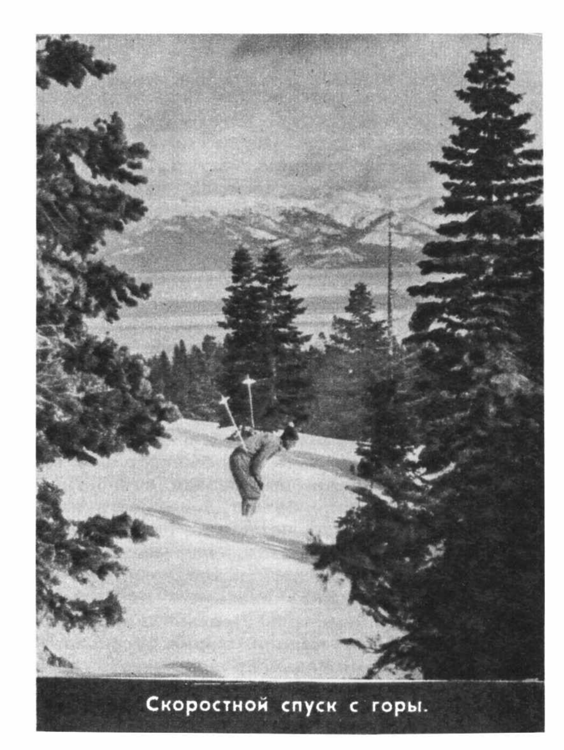
Какое же время показали секундомеры? Вот это время: 2 минуты 25,2 секунды. Это новый мировой рекорд, это секунды, достойные золотой олимпийской медали!

А разве могут не радовать нас успехи польских спортсменок Э. Серочинской и X. Пилейчик, завоевавших второе и третье места! Ведь они тренировались с нашими скороходками и в Свердловске и в Алма-Ате. У них они учились добиваться успеха на ледяной дорожке.

На следующий день нас обрадовала Клара Гусева. Она завоевала золотую медаль в беге на 1000 метров.

Затем вновь Л. Скобликова и В. Стенина принесли нашей команде золотую и серебряную медали в беге на 3 000 метров. Великолепно!

На крупных международных соревнованиях всегда безнадежным оказывается стремление увидеть все. Даже здесь, в Скво Вэлли, где соревнования, кроме лыжных, проходят вплотную, рядом, на одном пятачке, увидеть сразу все невозможно. Иногда приходилось выбирать между несколькими соревнованиями. Но, выбирая для себя спортивное зрелище, мы всегда отдавали первенство хоккею. Борьба здесь предстояла исключительно упорная. Уже первые выступления канадцев, их матч со шведами показали, что «рыцари кленового листа» решили запугать своих соперников. «Смотрите, что вас ждет,— как бы говорили они,— мы ни перед чем не остановимся в борьбе за золотые медали». Канадцы играли грубо, порой просто опасно, о чем может рассказать капитан шведской команды. известный защитник Бьёрн, у которого оказались сломанными три ребра.


Скоростной спуск с горы.



Советские скороходы занимаются утренней зарядкой.

могла дать лишь Лидия Скобликова. И она ответила...

Ярко светило солнце над Долиной индианок. В обрамлении горных вершин лежала перед нами ледяная дорожка. Тысячи зрителей окружили ее, поднялись на трибуну главной арены, забрались на горные склоны. Казалось, что все пестрое и шумное население Скво Вэлли затаило дыхание, ожидая исхода событий. Как же трудно выступать в таких условиях! Какое нужно огромное самообладание и мужество!

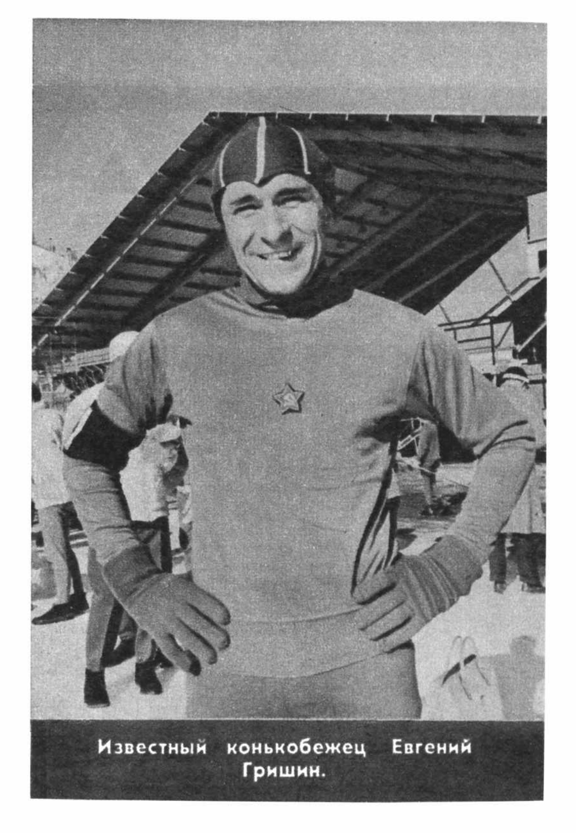
Огромную волю к победе продемонстрировали и американцы и чехи. Мы с нетерпением ждали финальной пульки и верили, что наших ребят не запугать никакими угрозами. Да, канадцев будет побить не легко, но и им не так уж просто будет пробиться к заветным золотым медалям.

Когда пишутся эти строки, финальная встреча Канада — СССР еще впереди. Она состоится в последний день Олимпиады, 28 февраля, и как хочется нам проникнуть в будущее, узнать исход борьбы на хоккейном поле!

Но еще, увы, нам предстоит пройти до финиша остаток сложной дистанции Олимпийских игр, не раз, возможно, преодолевая горечь неудач и не раз испытывая, как мы надеемся, радость победы.

И, конечно же, их добьются многие наши спортсмены: и лыжники, и хоккеисты, и конькобежцы.

Скво Вэлли.


Известный конькобежец Евгений Гришин.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный—Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы—Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.



А 00239. Подписано к печати 24/II 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 169. Заказ № 400.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



ВАЛЕНТИНА И БОРИС СТЕНИНЫ—ЧЕМПИОНЫ МИРА



«Яков Лукич дрожащими пальцами снял замок...»

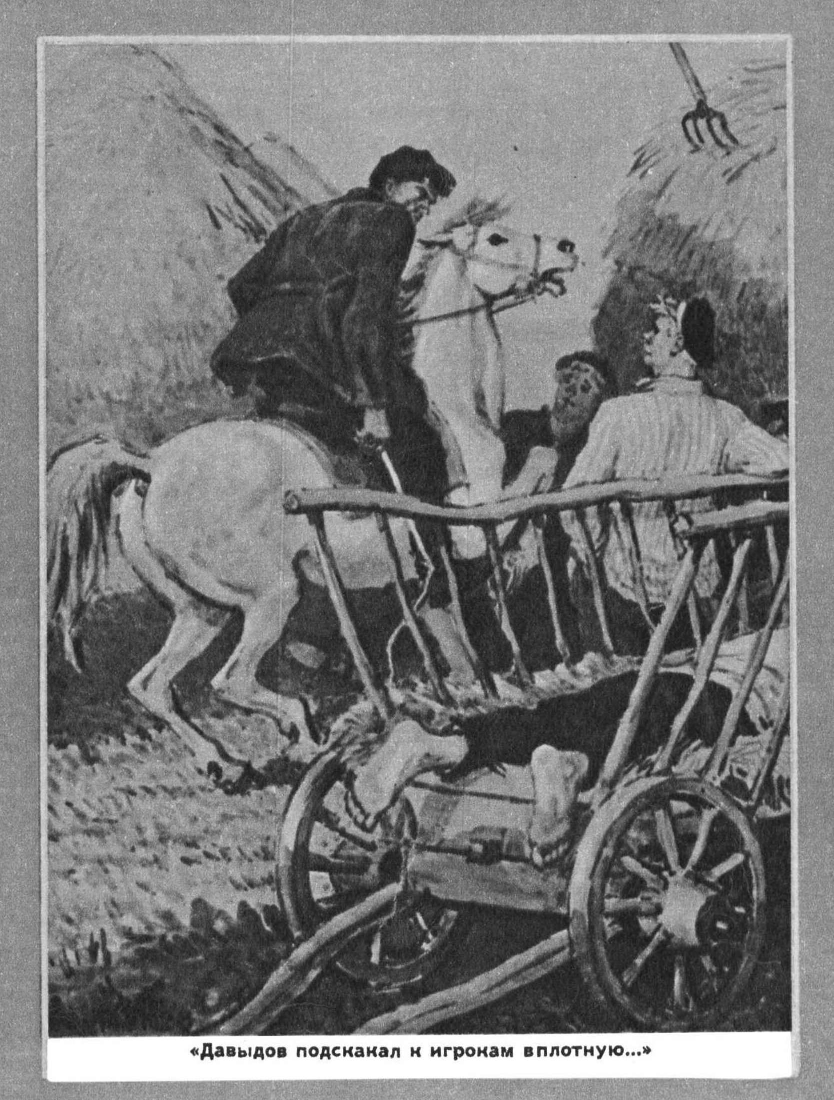


«Варя бережно простирывала тельняшку Давыдова...»

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. М. ЛАПТЕВА КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»



«Лушка стояла молча. Макар неловко засуетился...»



«Давыдов подскакал к игрокам вплотную...»

